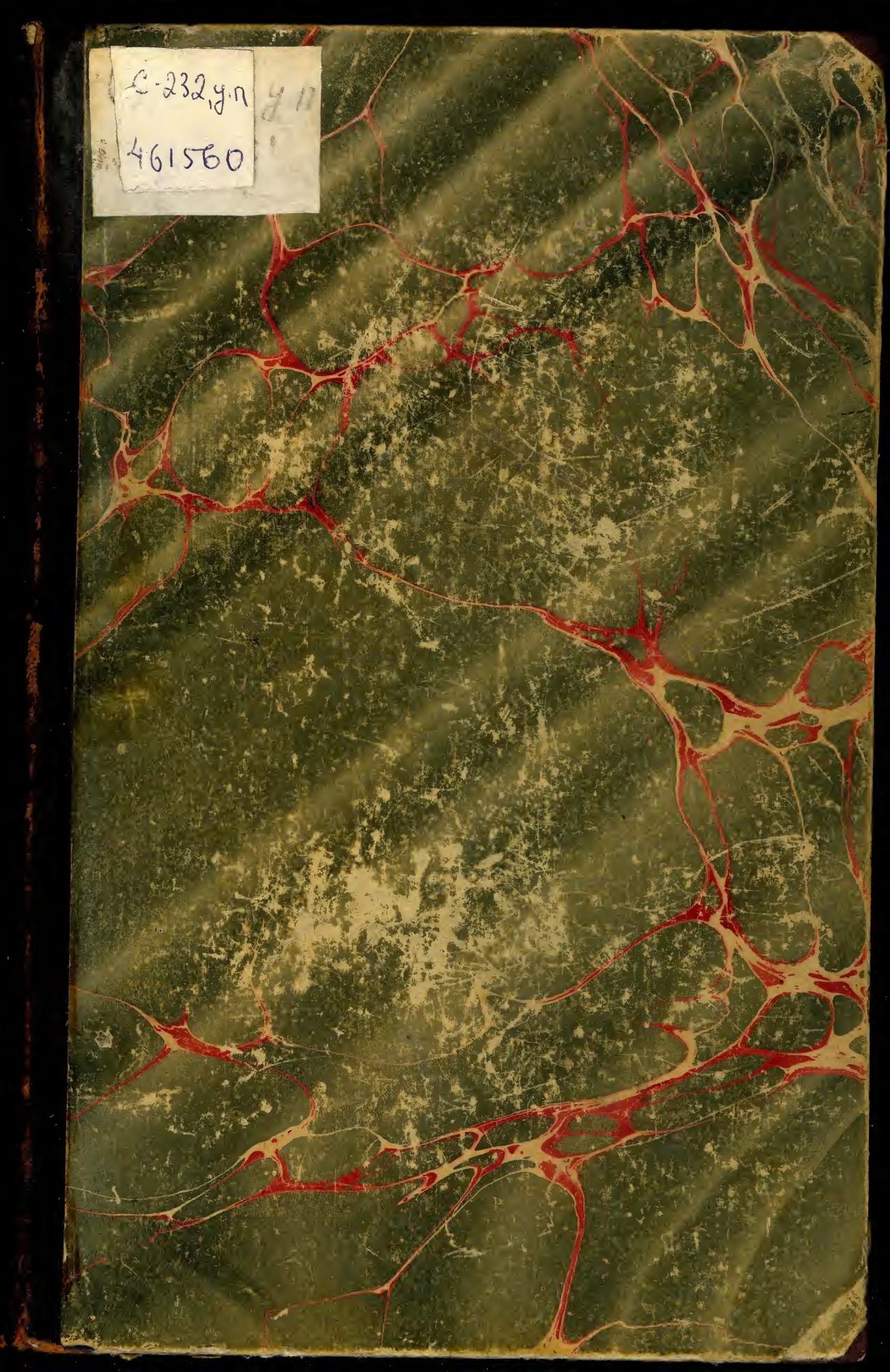

C-232,y.n

461560

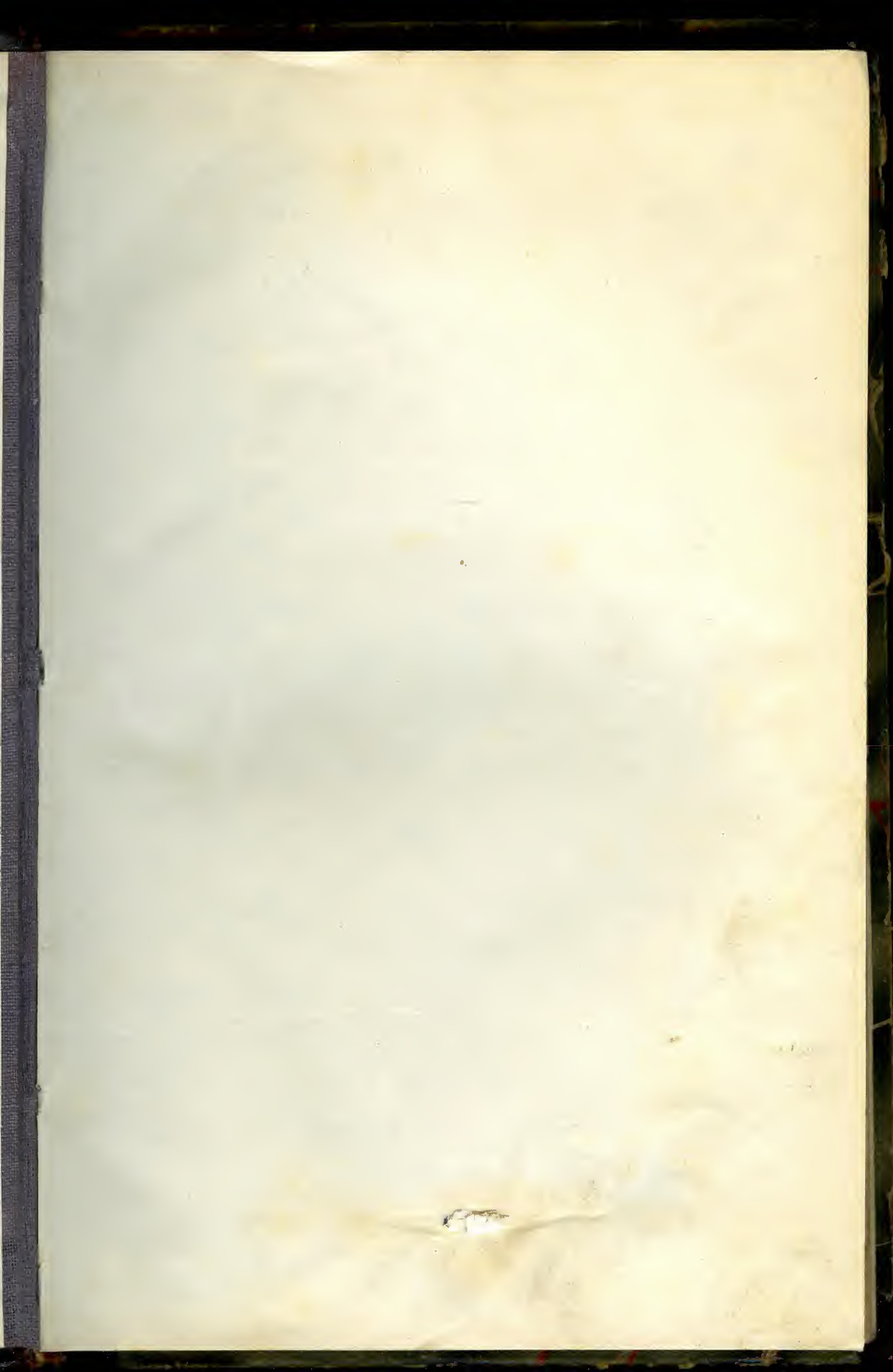

V.N. Karazin Kharkiv National University

00754467 1

28. i.

2303

28 ~~1~~
2303

СБОРНИКЪ

УКРАИНСКИХЪ ПЪСЕНЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

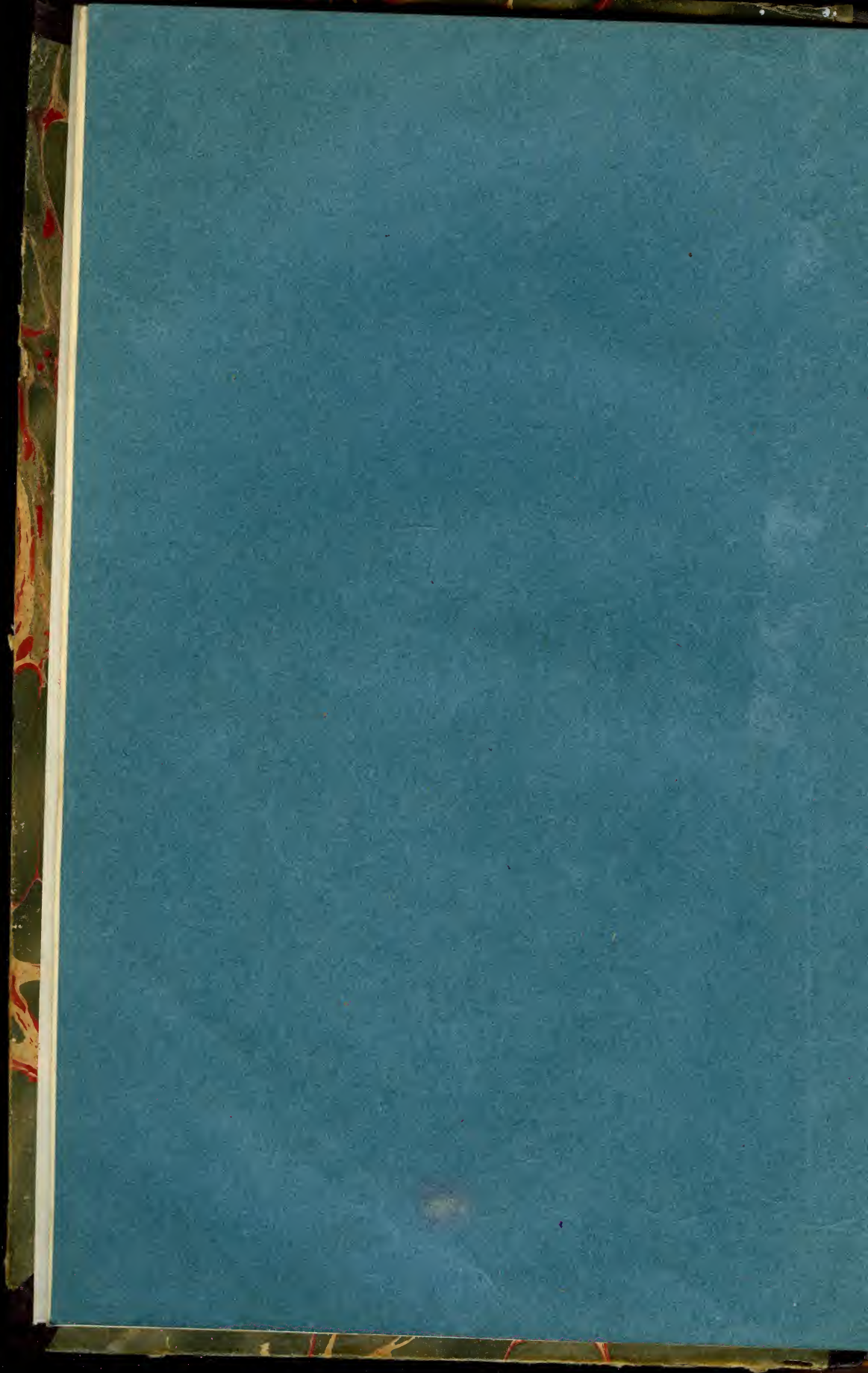
МИХАЙЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Θεοφίλῃ Γλῑκςβєргῃ.

1849.

C-232-у.п.

~~287.~~
~~2303~~

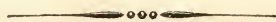
СБОРНИКЪ

УКРАИНСКИХЪ ПЪСЕНЬ,

1934

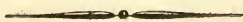
ИЗДАВАЕМЫЙ

МИХАЙЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

~~1910~~
~~95~~ 1907

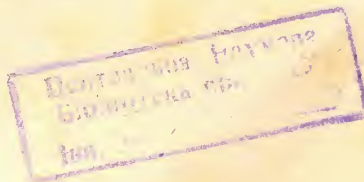
КІЕВЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ТЕОФИЛА ГЛѢКСБЕРГА.

1849.

461560

58

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ.
1845 Мая 23 дня.

Цензоръ А. Оедотовъ - Чеховскій.

(Цѣна 75 коп. серебр.)

Въ продолженіе двадцати лѣтъ я собиралъ украинскія народныя пѣсни; и теперь приступаю къ новому, полнѣйшему ихъ изданію. Это изданіе, для отличія отъ двухъ прежнихъ, * я называю Сборникомъ Украинскихъ Пѣсень. Не могу иначе выдать его, какъ по частямъ. Каждая часть будетъ содержать въ себѣ одинъ отдѣлъ пѣсень мужскихъ, и одинъ или два женскихъ. Въ шести частяхъ будетъ помѣщено около двухъ тысячъ пѣсень. Половина ихъ собрана мною самимъ, преимущественно въ Полтавской губерніи. Другая половина ихъ и множество вариантовъ получены мною отъ разныхъ лицъ, со всѣхъ концовъ Южной Руси. ** Приношу мою

* Первое изданіе я напечаталъ въ Москвѣ, 1827 года, подъ названіемъ Малороссійскія Пѣсни; а второе напечатано тамъ же, 1854 года, подъ названіемъ Украинскія Народныя Пѣсни. Въ первомъ было помѣщено 150 пѣсень мужскихъ и женскихъ; во второмъ 115 пѣсень мужскихъ.—Кромѣ того въ 1854 году я издалъ въ Москвѣ Голоса Украинскихъ Пѣсень (25 пѣсень съ музыкою А. А. Алябьева).

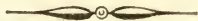
** Сюда принадлежитъ и собраніе Рускихъ пѣсень, преимущественно Волынскихъ оставшееся послѣ покойнаго З. Я. Ходковского. Оно куплено мною у его вдовы, и нынѣ находится у меня, какъ въ собственноручномъ подлинникѣ, такъ и въ копіи, переписанной въ Москвѣ, вскорѣ по смерти собирателя.

благодарность вѣсть, кто оказалъ мнѣ свое участіе въ этомъ Сборникѣ.

Къ каждому отдѣлу его я прилагаю нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній. При шестой части я изложу особо мои наблюденія и замѣчанія о народномъ пѣнопѣніи рускомъ вообще, и въ особенности о пѣнопѣніи украинскомъ.

Но въ дѣлѣ искусства важенъ судъ художника; и потому я припомню здѣсь моимъ читателямъ мнѣніе Гоголя, * котораго поэтическое дарованіе взлелѣяно звуками украинскихъ пѣсень.

„Камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью — ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи — все: поэзія и исторія и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о протекшемъ бытіи этой цвѣтущей части Россіи.“

* См. статью Гоголя о Малороссійскихъ Пѣняхъ, въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1854 г. Кн. 4.

СБОРНИКЪ
УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЬ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

У К Р А И Н С К І Я   Д У М Ы.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1891

CHICAGO, ILL.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Думы отъ прочихъ украинскихъ пѣсень отличаются разнообразною, вольною мѣрою своихъ стиховъ, слагающихся изъ неравнаго числа тоническихъ стопъ, и въ неопредѣленномъ числѣ слоговъ (отъ 4 до 20, и даже больше). Такая *разномерность* стиха состоитъ въ связи съ *эпическимъ* свойствомъ украинской думы, которая лишь изрѣдка вдается въ *лирическій* тонъ пѣсни, принимая тогда и опредѣленный, пѣсенный размеръ.

Разномернымъ складомъ стиховъ, украинскія думы отличны и отъ ведикорусскихъ повѣствовательныхъ пѣсень, и отъ *юнацкихъ* пѣсень сербскихъ, такъ строго выдерживающихъ 10-слоговую мѣру стиха. — Отъ тѣхъ и другихъ украинскія думы отличаются еще *рифмою*, столь привычною для пѣснопѣнія южнорускаго. Рѣдко встрѣчается въ думѣ стихъ безъ отвѣтнаго и созвучнаго ему стиха; чаще бываетъ ихъ по-нѣскольку (до 10) на одну рифму. Зачатки такого склада можно примѣтить въ Пѣсни о полку Игоревѣ, * съ которою украинскія думы состоятъ въ ближайшемъ родствѣ, и посредствомъ которой онѣ примыкаютъ къ древнѣйшему южнорускому пѣснопѣнію, къ сожалѣнію утраченному.

Думы принадлежатъ исключительно украинскимъ *бандуристамъ*, которые и теперь еще встрѣчаются изрѣдка на лѣвой

* Наприм. въ слѣдующихъ стихахъ, вѣроятно Бояновыхъ :

„Всеславъ князь людемъ судаше ,
Княземъ грады рядише ,
А самъ въ ночь вълкомъ рыскаше.“

сторонѣ Дитѣра.* Подобно рапсодамъ древней Греціи, которые воспѣвали своихъ героевъ, бряцаая на струнахъ лиры или пандуры,—наши южнорускіе пѣвцы, обыкновенно слѣдые старцы, пѣли и теперь еще поютъ въ народѣ свои думы и пѣсни, играя при томъ на многострунной *бандурѣ*, обѣими руками. Такъ и нашъ „соловей стараго времени — Боянъ: не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ; но свои вѣдѣнія персты на живыя струны вкладалъ; и онѣ сами славу князьямъ рокотали!“

Южнорускіе пѣвцы, и черезъ четыре вѣка послѣ Бояна **, славили подвиги храбраго *товариства* козацкаго и украинскіихъ витязей, между которыми были и князья рускіе, какъ напримѣръ, князь Дмитрій Вишневецкій, погибшій такою дивною смертію въ Царѣгородѣ (1574 года), и воспѣваемый въ народѣ донинѣ—подъ именемъ рыцаря Байды.

Вѣка 16-й и 17-й были временемъ процвѣтанія украинской думы. Въ прошломъ вѣкѣ, только Палѣй съ Мазепою—послѣ Полтавской побѣды, да Желѣзнякъ—послѣ Колѣвинщины (1768 года)—отозвались слабо въ стихахъ думныхъ; хотя пѣсня украинская жила еще производительно до конца 18-го вѣка. Послѣ того, на усталыхъ струнахъ украинской бандуры, повторялось только прежнее, иногда съ передѣлкою на новый ладъ.

Впрочемъ, историческія лица и воинскіе подвиги составляли хотя главный, но не единственный предметъ украинской думы. Любила она и семейную жизнь; и нерѣдко воспѣвала отношенія и чувства родственныя, въ поученіе своему народу.

* На правой сторонѣ Дитѣра, вмѣсто бандуристовъ, ведутся *лирички*.

** Боянъ, воспѣвавшій Весслава Полоцкаго и другихъ князей, жилъ въ концѣ 11-го и въ началѣ 12-го вѣка (былъ современникъ Нестора).

Украинскій бандуристъ не былъ забавникомъ и скоморохомъ. Потѣшивъ иногда молодѣжь краткимъ сказаньемъ объ удали козацкой, онъ внушалъ ей простодушныя, но глубоко - нравственныя понятія о томъ, что составляетъ святой долгъ человека. Строгая, иногда до суровости, дума бандуриста чуждалась даже любви между козакомъ и дѣвицею.

Впрочемъ народъ самъ былъ пѣвецъ; и въ тысячахъ пѣсень высказывалъ свою любовь и нелюбѣ, свою радость и горе, свою тоску и веселье. Но пѣніе бандуристовъ служило дополненіемъ къ пѣснопѣнію народа, — также какъ оно само составляетъ необходимое дополненіе къ будничной, рабочей жизни народа. Эта жизнь безъ пѣсни — была бы какъ *волъ молотящій*. И не потому ли у рускаго народа жить хорошо называется *жить припѣваючи*! —

Въ книжцѣ свѣтѣ, украинскія думы стали извѣстны 1819 года, когда князь Цертелевъ издалъ девять думъ и одну пѣсню, подъ названьемъ: *Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней*. Послѣ того Срезневскій, въ своей *Запорожской старинѣ* (1833-34 г.), и другіе Малороссіяне, издали еще около десяти думъ. Мы извѣстны ихъ до 50. Здѣсь помѣщаются слѣдующія 20 думъ. Тѣ, которыя нигдѣ не напечатаны, означены звѣздочкою. —

1. Отъѣздъ козака изъ родины.
2. Тоска сестры по братѣ.
3. Невольники.
- * 4. Схватка козака съ Татаринномъ.
- 5 Козакъ Голота.
- * 6. Три брата.
7. Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова.
8. На смерть атамана Федора Безроднаго.

9. На Черноморскій походъ гетмана Серпяги (1577 г.)
  10. На возвращеніе изъ плѣна Самойла Кушки (1588 г.)
  11. Черноморская буря.
  12. На побѣду Чигиринскую (1596 г.).
  13. Походъ на Поляковъ (1637 г.).
  14. О Хмельницкомъ и Барабанѣ (1647 г.).
  - *15. На побѣду Корсунскую (1648 г.).
  16. На походъ Хмельницкаго въ Молдавію (1649 г.).
  - *17. Объ Украинцахъ послѣ Бѣлоцерковскаго мира (1652 г.)
  18. На смерть Хмельницкаго (1657 г.).
  19. Объ Иванѣ Коновченѣ (1684 г.).
  20. О Палѣ и Мазенѣ (1709 г.).
-

1.

Отъѣздъ козака изъ родины. ¹

Въ недѣлю рано-порано не во всѣ дзвоны звонили,
Якъ у вдовинѣмъ дому гомонѣли.

Лихій вѣтчимъ козаченька молодого лае;
Мати сыну слѣзно промовляе:

„Иди ты, сыну, мѣжъ чужій люде,
Чи не лучше тобѣ на чужинѣ буде!

Нехай тебе чужій батько, сынѣнку, не лае,
Счастья твоего козацького навѣкъ не збавляе!

Тяжко, тяжело менѣ тебе зъ дому одправляти,
Аще тяжче бѣля себе въ знегѣдѣ держати!

Хочъ пойдешъ ты на чужину, слѣзы менѣ лити;
Хочъ zostавлю тебе, сыну, по всякъ часъ тужити!“

То старшая сестра коненька выводитъ,

А середульша зброю выносить,

Що найменьша рыдае,

Словами промовляе:

„Изъ якой тебе, брате,

Сторононьки ждати: ²

1. На этотъ предметъ, столь обыкновенный и вмѣстѣ столь значительный въ прежней Украинѣ, сложено множество пѣсень. Одна изъ нихъ (*Гомѣнь гомѣнь по дубровѣ...*) сходна съ этою думою; но которая изъ нихъ послужила образцомъ, рѣшить трудно.

2. Эти три сторононьки означены здѣсь вслѣдствіе любимого

Чи одъ чистого поля,
 Чи одъ Чорного моря,
 Чи одъ славного Запорожя? “

— Вѣзьми ты, сестро, жовтого пѣску,
 Да посьй ты, сестро, на бѣлому камнѣ: ³
 Коли буде жовтый пѣсокъ виростати,
 Зеленымъ барвѣнкомъ камѣнь устилати, ⁴
 Въ той часъ буду, сестро, до васъ прибувати!
 Бо якъ тяжко на безвѣдѣ рыбѣ пробувати,
 Такъ тяжко на чужинѣ безрѣдному проживати!“

То тее промовлявъ, на коня сѣдавъ, опрощенье
 пріймавъ;
 Смутно зъ двора отцевського козакъ виѣзжавъ.
 Довго воны на могилѣ краѣ села стояли;
 Довго, довго козаченька вѣчми проважали;
 А ще довше воны ёго дома оплакали.

въ народной русской поэзіи представленія *о трехъ дороженькахъ*;
 (да и въ отношеніи къ другимъ предметамъ, число *три* господ-
 ствуетъ въ поэзіи украинской).

3. Какъ поэтически этимъ *посѣвомъ* выражена невозвратность!
 Подобное изображеніе несбыточности— другими предметами, встрѣ-
 тимъ не разъ въ пѣсняхъ украинскихъ.

4. *Барвінокъ* (vinca), которому присвоено названіе *хреща-
 таго* и *зеленаго*, стелется по землѣ на всѣ четыре стороны,
 и отличается густою, постоянною зеленью своихъ листьевъ. Это
 одно изъ любимѣйшихъ растений на Украинѣ, играющее важную
 роль въ народныхъ обрядахъ, и составляющее собою символъ
вѣрности и постоянства.

2.

Тоска сестры по братѣ.

Не сизая зозуленька въ темнѣмъ лузѣ ковала,⁵

Не дробная пташка въ саду щебетала;

Сестра зъ братомъ издалѣка розмовляла,

Поклонъ посылала.

„Братѣку мѣй милый,

Якъ голубонько сизый!

Прійди до мене изъ чужой стороны;

Посѣти мене при лихой годинѣ!“

— Сестро моя рѣдненька,

Якъ голубонька сизенька!

Якъ я маю прибувати,

Тебе навѣщати,

За темными за лѣсами,

За дальними за степами,

За быстрыми за водами? —

„Черезъ темный лѣсъ—яснымъ соколомъ лети;⁶

Черезъ быстрый воды—бѣлымъ лебедемъ плыви;

5. *Зозуля* (кукушка) — птица сиротствующая въ самой природѣ, лишенная радости насиживать свое гнѣздо—составляетъ издревле въ народной русской поэзіи символъ *сиротства* и *родственной негали*. Въ украинскомъ пѣнопѣіи она является непрестанно, какъ олицетворенная печаль матери по сынѣ, сестры по братѣ, жены по мужѣ, и т. д. Въ народномъ повѣрьи кукушкѣ придаютъ еще свойство *впѣсаванья* и *прорицанья*.

6. Народная поэзія любитъ изображеніе своихъ предметовъ живыми предметами природы. — Нельзя не указать въ этой думѣ на

Черезъ степы далекій — перепёлочкомъ бѣжи;
 На моёмъ, брате, подвѣрь — ты голубонькомъ пади,
 Добре слово взговори,

Мое сердце сиротское звесели!

Чужій, брате, сестры зъ дому Божого идутъ, ⁷

Всѣ якъ бджолочки гудуть,
 На хлѣбъ, на сѣль людей закликають;
 Мене-жъ, брате, словомъ не займають,
 Мовъ въ вѣчи не знаютъ!

А якъ коли-сь зъ нами хлѣбъ-сѣль поважали....

Въ той часъ кумами, побратимами звали!

А якъ пристигла несчастна година,
 Названа и крѣвна одреклась родина!“

3.

Невольники.

У святу недѣлю, не сизы орлы заклекотали,
 Якъ то бѣдны невольники у тяжкѣй неволѣ запла-
 кали,

уподобленіе козака нѣсколькимъ птицамъ, сообразно различнымъ мѣстамъ, по которымъ онъ стремится (въ воображеніи его сестры). Это напоминаетъ то мѣсто въ Пѣсни о полку Игоревѣ, гдѣ — „Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду... и полетѣ соколомъ подъ мглами.“

7. Въ праздники всего житіе чувствуется наше сиротство на родинѣ и безродье на чужбинѣ. Потому украинская поэзія, для изображенія разлуки, осиротѣнія и подобныхъ положеній, избираетъ обыкновенно праздничный день — *святу недѣлю*.

Угору руки підіймали, кайданами забряжчали; ⁸
 Господа милосердного прохали да благали:

„Подай намъ, Господи, зъ неба дробень дождикъ,
 А зъ низу буйный вѣтеръ!

Хочай-бы ⁹ чи не встала на Чорному морю быстрая
 хвиля;

Хочай-бы чи не повыривала якорѣвъ зъ турецькой
 каторги! ¹⁰

Да ўже ся намъ турецька - бусурманська каторга
 надоѣла:

Кайданы - залѣзо ¹¹ ноги повривало,
 Бѣле тѣло козацьке молодецьке коло жѣвтой ко-
 стѣй пошмугляло!“

Баша турецькій бусурманській,

Недовѣрокъ христіянській,

По рынку вѣнъ похожае;

Вѣнъ самъ добре тѣе зачуває;

На слуги свой, на Турки - янычаре зѣ - зла гукае:

„Кажу я вамъ, Турки-янычаре, добре вы дбайте,

Изъ ряду до ряду захожайте,

8. Извѣстно, какъ много перенесла страданій Южная Русь въ преж-
 ніе вѣка. Тысячи народа ея, непрестанно уводимыя въ полѣнъ
 Татарами, томилась въ тяжелой неволѣ въ Крыму и въ обѣихъ Тур-
 ціяхъ. Освобожденіе невольниковъ силою оружія и выкупъ ихъ
 деньгами — считались на Украинѣ святымъ дѣломъ, на которое и
 бандуристы вызывали своими думами.

9. *Хочай* — хотя; *агѣй* — авось, можетъ быть.

10. Слово *каторга* собственно означало галеру, на которой
 работали невольники и преступники.

11. *Кайданы* (съ арабс.) — кандалы. *Залѣзо* — желѣзо.

По три пучки тернины и червоной таволги ¹² набі-
райте ,

Бѣдного невольника по - тричи въ однѣмъ мѣсцѣ
затинаяте ! “

То тѣ слуги , Турки - янычаре , добре дбали ,

Изъ ряду до ряду захожали ,

По три пучки тернины и червоной таволги у ру-
ки набірали ,

По - тричи въ однѣмъ мѣсцѣ бѣдного невольника
затинали ;

Тѣло бѣле козацьке молодецьке коло жовтої ко-
стї обвивали ,

Кровь христїянську неповинно проливали . —

Стали бѣдны невольники на собѣ кровь христїянсь-
ку забачати ,

Стали землю турецьку , вѣру бусурманську клясти
проклинати :

„ Ты , земле турецька , вѣро бусурманська ,

Ты розлуко христїянська !

Не одного ты розлучила зъ отцемъ , зъ матѣрю ,

Або брата зъ сестрою ,

Або мужа зъ вѣрною жоною !

Вызволь , Господи ! всѣхъ бѣдныхъ невольникѡвъ

Зъ тяжкой неволї турецькой ,

Зъ каторги бусурманської !

На тихї воды ,

На ясны зорї ,

12. *Таволга*—прибрежный гибкій кустарникъ (собственно *spigaea*).

У край веселый,
 У міръ хрещеный,
 Въ города христiянскій!
 Дай, Боже! міру царському,
 Народу христiянському,
 Славу на многи лѣта! —

4.

Схватка съ Татаринѡмъ. ¹³

Ой дѣ-сь, ой дѣсь ¹⁴ за Килимомъ - городомъ коза-
 ченько гуляє;
 А зъ Килима - города Татаринъ поглядае.
 Загадавъ Татаринъ Татарцѣ пару коней сѣдлати,
 Да того козаченька доганяти.
 Якъ выбѣгъ Татаринъ, старый бородатый,
 На розумъ небагатый,
 Выбѣгъ того козаченька доганяти.
 „Ты козаченьку молодой,
 Пѡдъ тобою кониченько вороный!
 Колибъ я тебе пѡймавъ,

13. Удалой козакъ уходитъ отъ Татарина, отбиваясь отъ него *карбагемъ* (нагайкою); а между тѣмъ готовитъ ему пули, и даетъ ему этотъ *гостинецъ* (такъ выражались встарину козаки; см. въ думѣ 10-ой), смѣется надъ его глупою похвалбою, что онъ козака еще не поймалъ, а ужъ и деньги за него сосчиталъ!

14. *Дѣ-сь*—гдѣ-то. *Килимъ*, безъ сомнѣнія, значитъ *Килию*, городъ при устьѣ Дунаѣ, гдѣ сложилъ свою голову одинъ изъ первѣйшихъ героевъ Козачины — гетманъ Свирговскій.

Ябъ тебе у Килимъ - городъ запродавъ ,
И срѣбный за тебе гроши побравъ !¹⁵

А козаченько оглядается ,

И карбачемъ одбивается.

„Ой ты Татаринъ , старый бородатый ,
Да на розумъ небагатый !

Ты мѣжъ козаками не бувавъ ,

И козацькой каши не ѣдавъ ,¹⁵

И козацкихъ жартѣвъ не знаешъ....¹⁶

Де-сь у мене бувъ зъ кулями гаманъ ;

Яжъ тобѣ гостинця дамъ.“

Якъ ставъ ёму гостинці посылати ,

Ставъ Татаринъ зъ коня похилати.

„Ой ты Татаринъ , старый бородатый ,

Да на розумъ небагатый !

Ище ты мене не поймавъ ,

Да ўже въ Килимъ - городъ запродавъ ,

И срѣбный за мене гроши побравъ !

Отъ-теперь твоего одного коня вороного

Поведу до шинкарки пропивати ,

А другимъ твоимъ конемъ воронымъ

По Килиму-городу гуляти !

Ой гуляти , гуляти , гуляти ,

Да единого Бога споминати !“

15. Это присловье козацкое : „ Не пивъ воды дунайскою ; не ѣвъ каши козацькою.“

16. *Жарты* — шутки.

17. *Куля*—пуля; *гаманъ* —кожаный 4-угольный плоскій кисеть.

5.

Козакъ Голота. ¹⁸

Да на Саворъ-могилѣ⁹ гулявъ козаченько, гулявъ,
 Да ниякого дива не выдавъ.
 „Ой долино - ялино! скільки я по тобѣ гулявъ,
 Да ниякого дива не выдавъ!“
 Ой на полѣ на Киліянськѣмъ
 На шляху на Ордынськѣмъ,²⁰
 То не ясный соколъ лѣтае,
 То козакъ Голота сердечный добрымъ конемъ гуляе.
 Ой ставъ Татаринъ къ ёму приѣзжати,
 Порошку на полку посыпати;
 Сердечного козака Голоту сѣче да рубаетъ;
 Голота нагайкою стрѣлы одбиваетъ.

18. Вотъ еще подобная схватка. Козакъ отбивается нагайкою отъ пули или стрѣлы Татарины, и осмѣиваетъ его съ головы до ногъ, уже не по разуму, а по одѣжѣ его; между тѣмъ и самъ козакъ—*голота* (голытьба). Впрочемъ это имя могло быть фамиліей козака. При началѣ войны Хмельницкаго, былъ козацкій полковникъ *Голота*, убитый въ Сентябрѣ 1649 г.

19. Южная Русь съ незапамятныхъ временъ усыяна курганами или *могилами*, памятниками древнѣйшихъ ея обитателей. Многія украинскія могилы поминаются и въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ, на прим. *Черная, Перепетовы*. Въ украинской поэзіи представительницею степныхъ могилъ избрана *Саворъ-могила*, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ-то невдалекѣ р. Самары (см. дума 7).

20. Ненагулявшійся на Саворъ-могилѣ козакъ, отправился на знаменитое поле *Киліанское*, по дорогѣ *ордынскій* (между Днѣстромъ и Дунаемъ).

„Гей ты, Татарюго, сѣдый бородатый,
На що ты ўповашь?

Чи на свою шапку - бирку,
Що шовкомъ шита,
Вѣтромъ поѣбита,
А зверху дѣрка? ²¹

Чи на свой постолы бобровы,
Що волѣки шовковы,
Въ - односталь зъ валу? ²²

Чи на свою сермягу семилатную? ²³
Гей старый бородатый,
Да кому Богъ поможе! „.....“ ²⁴

„Ой ты Саворъ - могило! скѣльки я гулявъ,
Да такой добычѣй не добувавъ!“

21. Шапка *бирка* — смушковая, овчинная. Она съ дыркою сверху: отъ того и *вѣтромъ поѣбита*!

22. *Постолы* — кожаная обувь, въ родѣ лаптей; завязки на нихъ называются *волѣками*. Въ насмѣшку названы постолы *бобровыми*; а волѣки — *шелковыми*; между тѣмъ какъ онѣ изъ простаго несученаго *валу* (т. е. нитки, спряденной изъ охлופковъ). *Въ-односталь* значить въ одну *сталку*; а *стѣлкою* называется каждая простая нитка, и каждая изъ тѣхъ бичевокъ, изъ которыхъ свита веревка.

23. *Сермяга* (слово общерусское) означаетъ свиту сѣраго сукна. *Семилатною* называется шуточно изношенная свита въ *латкахъ* (т. е. въ заплаткахъ). Есть и пословица: „на свитѣ стѣлько лать, якъ у селѣ хать.“

24. Здѣсь подразумѣвается, что козакъ, съ помощью Божіей, полонить Татарина, и приводитъ въ козацкій таборъ.

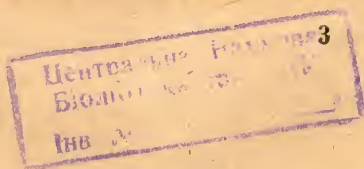
6.

Три брата. 25

Ой усь поля Самарськѣ почорѣли ,
Яеными пожарами погорѣли ;
Тольки не згорѣло у рѣчки Самарки ,
    У крыницѣ Салтанки ,
Три терны дробненькихъ ,
Три байраки зелененькихъ ;
То тымъ воны не згорѣли ,
Що тамъ три браты рѣдненькихъ ,
Якъ голубоньки сивеньки ,
Постреляны да порубаны спочивали ;
То тымъ воны спочивали ,
Що на раны постреляны да порубаны дуже зне-
могали. —
Озоветься старшій братъ до середульшого словами ,
Обѣльеться горькими слѣзами :

25. Съ отдаленныхъ временъ у Южной Руси ведется сказанья о трехъ-братьяхъ. Есть и могилы *три брата*, наприм. недалеко отъ Василькова и подъ Переяславомъ. Такая же встрѣчается и между пограничными могилами земель Запорожскихъ. Въ описаніяхъ земель, составленной 1764 г. войсковымъ асауломъ Андреемъ Порохнею (*Ист. Нов. Сѣвг.*, с. 398) сказано: „потому называются *три брата* могилки, что при оныхъ, давними временами, три брата отъ нападенія татарскаго отбивались, съ коней одного убито, а двухъ живцемъ взято.“

Въ этой думѣ тоже воспеваются *три брата*. Цель думы— нравственно-религіозная мысль, высказанная устами меньшаго брата. Таже мысль развита пространнѣе въ думѣ *Черноморская буря*.

„Прошу я тебе, братіку мій рідненькій,
Якь голубонько сивенькій!

Добре ты учини:

Хочь изъ рѣчки Самарки,
Або зъ криниці Салтанки,
Холодної воды зайди,

Раны мій постреляны да порубаны окропи, охоло-
ди!“

То середульшій братъ тее зачуває,

До ёго словами промовляє:

„Братіку мій рідненькій,
Якь голубонько сивенькій!

Чи ты менѣ, брате, вѣры не доймаешъ,

Чи ты мене на смѣхъ підыймаешъ!

Чи не одна насъ шабля порубала?

Чи не одна насъ куля постреляла?

Що маю я на собѣ девять ранъ — рубаны широкі,
А чотырї стреляны глибокі!

Такъ мы добре, брате, учинїмо,

Свого найменьшого брата попросїмо:

Нехай найменьшій братъ добре дбає,

Хочь на вкóлѣшки встáває,

Вóйськову сурёмку вь головахъ достягає,²⁶

У вóйськову сурёмку добре грає, програває;

Нехай бы насъ стали страннї козаки зачувати,

До насъ дохожати, смерти нашої доглядати,

Тѣло наше козацьке молодецьке вь чистомъ полѣ
поховати!“

26. *Сурёмка* или *сурма* (съ персид. *сурна*) — труба.

То найменьшій братъ тее зачувае,
 До старшихъ братѣвъ словами промовляе:
 „Братѣи мой рѣдненькѣи,
 Якъ голубоньки сивенькѣи!
 Не есть се насъ шабля турецька порубала;
 Не есть се насъ куля янычарська постреляла:
 А есть се отцева й панѣи - матчина молитва пока-
 рала!
 Якъ мы увѣ охотне вѣйсько одъ отця одъ матерѣи
 одъ роду одъѣзжали,
 Мы зъ отцемъ зъ матѣрю и зъ родомъ опрошенья
 не брали!
 А якъ противъ церкви, дому Божого, проѣзжали,
 Мы шапокъ зъ головы не зѣимали,
 Милосердного Бога на помочь не прохали!“

7.

Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова. ²⁷

Изъ города изъ Азова, не великѣи туманы вставали:
 Три брата рѣдненькихъ зъ тяжкой неволѣи утѣкали.
 Два кѣнныхъ, третѣи пѣшѣи за ними пѣдбѣгае;
 На сырѣ корѣнья,
 На бѣле камѣнья,
 Нѣжки свой козацкѣи поѣбае,

27. Вотъ еще дума о трехъ братьяхъ, прекрасная по живому изображенію вѣшней природы и внутреннихъ движенѣи душевныхъ.

Кровью слѣды заливає;
 До конныхъ братѣвъ добѣгае;
 Словами промовляє:
 „Станьте вы, братця! коней попасѣте,
 Мене подождѣте,
 Съ собою вѣзьмѣте,
 До городѣвъ христіанськихъ подвезѣте!“
 То середульшій тее зачувавъ, старшого пытавъ;
 То старшій ёму словами промовлявъ:
 „Чи щѣ-жъ тобѣ не дадася тяжкая неволя знати?
 Якъ будемъ мы брата дожидати,
 Буде насъ погоня доганяти,
 Буде насъ стреляти, рубати;
 Або въ тяжкѣй роботѣ будемъ пропадати!“
 „Коди-жъ мене, братця, не хочете ждати —
 Ставъ меньшій промовляти:
 То прошу васъ, братця, на праву сторону звер-
 тайте,
 Шаблі изъ похвѣ²⁸ вынімайте,
 Тѣло мое порубайте,
 Въ чистѣмъ стѣну поховайте,
 Звѣру да птицѣ на поталу²⁹ не дайте! —
 То середульшій тее зачувавъ,
 Словами промовлявъ;
 „Сѣго, брате, зроду нигдѣ не чували,
 Щобъ рѣдною кровью шаблі обмывали,
 Або гострымъ списомъ²⁹ опрошенье брали!“

28. *Похва* — ножны. *Списъ* — копье.

29. *Потала* — сѣденье; обида, напасть.

„Коли-жъ не хотите, братця, мене рубати;
То прошу васъ, братця, якъ будете до байракѡвъ³⁰
прибувати,
Терновы вѣтки въ запѡлье рубайте,
Менѣ признаку покидайте!“ —

То ўже два козаки въ байраки вѣзжае;
Середульшій братъ милосердіе мае:
Верховѣтъя у тернѡвъ стинае,
Меньшому брату примѣту покидае,
А якъ стали на Муравскій шляхъ³¹ выѣзжати,
Нѣчимъ ёму признаки покидати;
Вѡнъ червону китайку съ - пѡдъ жупана выдирае,
По шляху роскидае,
Меньшому брату примѣту оставляе.
То якъ ставъ нѣшеходець изъ тернѡвъ выходити,
Ставъ червону китайку знаходити:
У руки хапае, дрѡбными слѣзами обливае.
„Недурно,³² промовляе, червона китайка по шля-
ху валяе;
Мабутъ мойхъ братѡвъ на свѣтѣ немає!
Мабутъ за ними зъ города Азова погоня вставала,
Мене въ тернахъ на спочивѣ минала,

30. *Байракъ* — буеракъ. Многіе изъ тѣхъ байраковъ извѣстны издавна съ собственными именами, на прим. *Кощь-бояракъ* (въ Книгѣ Большаго Чертежа).

31. *Муравскій шляхъ* — главная дорога изъ Крыма на Русь; шла отъ Перекопа на Дневы и Тулу (см. въ Книгѣ Большаго Чертежа).

32. *Недурно* — недаромъ.

Братѣвъ мойхъ доганяла,
 Стреляла, рубала!
 Колибъ менѣ Богъ
 Милосердный помогъ
 Тѣло козацьке знаходити,
 Въ чистѣмъ степу хоронити!“
     Що одно безвѣдьє,
     Друге безхлѣбье,
 Трете буйный вѣтеръ въ полѣ повѣває,
 Бѣдного козака изъ нѣгъ валяе.
 „Ой годѣжъ менѣ за кѣнными братами уганяти;
 Часъ менѣ козацькимъ ногамъ нѣльгу³³ дати!“
 То тее промовлявъ, до Саворъ-могили прибувавъ,
     Пѣдъ Саворъ-могилою спочивавъ.
 Въ той часъ сизы орлы налѣтали,
 Цильно³⁴ въ очі козаковѣ заглядали.
     Козакъ тее забачае,
     Словами промовляє:
     „Орлы сизопѣры,
     Гості мой милы!
 Прошу я васъ тогдѣ налѣтати,
 Зъ лоба очі менѣ высьмикати,³⁵
 Якъ не буду я свѣта Божого видати!“
     То тее промовлявъ,
 За часъ, за годину, милосердному Богу душу оддавъ.

33. *Нѣльга* — льгота (также подкладное бревно для скатки колоды).

34. *Цильно, спильно* — пристально.

35. *Смыкати* — дергать.

Тогдѣ орлы налѣтали,
 Зѣ лоба очі вымыкали.
 Тогдѣ ще й дробна птиця налѣтала,
 Коло жовтої кості тѣло оббѣрала.

Вовки - сѣроманьці ³⁶ набѣгали,
 Тѣло козацьке рвали,
 По тернахъ, по балкахъ ³⁷ жовту кость жваковали,
 Жалобненько квилили, проквѣляли:
 То жъ воны козацькій похорони одправляли!

Дѣ-ся взялась сиза зозуленька;
 Въ головкахъ сѣдала, жалобно ковала;
 Якъ сестра брата, або мати сына, оплакала.—

Стали кѣнны браты до городѣвъ христѣянськихъ
 добѣзжати;

Стала къ ѣхъ сердцямъ велика туга налягати.
 То середульшій братъ до старшого брата словами
 промовляє:

„Недурно къ нашимъ сердцямъ важкая туга на-
 лягає:

Мабуть нашого брата живого на свѣтѣ немає!
 Якъ будемо, брате, до отця й матері прибувати,
 Якъ будуть воны насъ пытати,
 То що станемо казати?“
 То старшій братъ тее зачуває,
 До середульшого словами промовляє:

36. *Сѣроманецъ* — сѣрякъ (названіе, придаваемое волку).

37. *Балка* — степной оврагъ.

8.

На смерть атамана Безродного. ⁴¹

По-надъ сагою ⁴²
 Дигіровою
 Молодѣй козакъ обѣдъ обѣдае;
 Не думаетъ, не гадаетъ,
 Що на ёго молодого,
 Ще й на чуру ⁴³ малого,
 Бѣда настигаетъ.
 То не вербы луговой зашумѣли, ⁴⁴
 Якъ безбожны ушкалы налетѣли; ⁴⁵
 Хведора Безродного,
 Отамана курѣнного,
 Постреляли, порубали,
 Тѣльки чуры не поймали.
 То малый чура до козака прибуваетъ,

41. Во время гетмана Богданка, Безродный служилъ войсковымъ писаремъ (1575-77). Онъ зовется и Федоромъ, и Фомою; но эта разница въ личномъ имени не большая важность. Подобныя различія не рѣдки: самъ гетманъ Богданко встрѣчается въ разныхъ писаніяхъ подъ именемъ Федора и Якова; гетманъ Скалозубъ въ исторіи названъ Демьяномъ, а въ думѣ 10-й Семеномъ.

42. Сага — заливъ.

43. Чура или джура — оруженосецъ. При козацкихъ старшинахъ бывали безотлучные, вѣрные до послѣдняго конца оруженосцы, изъ молодыхъ козаковъ.

44. Верба, съ ея поникшими вѣтвями и листьями, составляетъ для украинской поэзіи символъ *пегали* и *горя*; шумъ вербы знаменуетъ разлуку, смерть.

45. Ушкалы — разбойники.

Раны ёму глыбокій промывае.

То козакъ ёму промовляє :

„Чуро мѡй, чуро,

Вѣрный слуго!

Пѡйди ты степѡмъ

По - надъ Днѣпромъ;

Послухай ты, чуро: чи то гуси кричать,

Чи лебедѣ ячать,

Чи ушкалы гудуть,

Чи може козаки Днѣпромъ идуть?

Коли гуси кричать, або лебедѣ ячать—то сжени;

Коли ушкалы гудуть — мене схорони;

Коли - жъ козаки идуть, то объяви,

Нехай воны човны ⁴⁶ до берега привертають,

Мене Хведора Безрѡдного навѣщають!“

То чура малый по берегу пробѣгавъ,

Козакѡвъ забачавъ,

Шапкою махавъ, словами промовлявъ:

„Панове - молѡдцѣ! добре вы дбайте,

Човны привертайте,

До отамана курѣнного поспѣшайте!“

То козаки тее зачували,

До берега привертали,

Отамана навѣщали.

Тогдѣ козакъ чуру выхваляе,

Словами промовляє;

„Чуро мѡй чуро,

Вѣрный слуго!

46. Човенъ — челнъ.

Коли ты будешъ вѣрно пробувати,
 Будуть тебе козаки поважати!“
 То тее промовлявъ,
 Опрощенье зо всѣми бравъ,
 Милосердному Богу душу отдавъ.
 Тогдѣ козаки шаблями суходѣль ⁴⁷ копали,
 Шапками, приполами персть выймали,
 Хведора Безродного ховали,
 Въ семипяднѣй пищали гремали,
 У сурѣмки жалѣбно vychvaliali:
 „То ще добре козацька голова знала,
 Що безъ вѣйска козацького не ўмѣрала!“

9.

О Черноморскомъ походѣ гетмана Серяги. “

Ой по Чорному да по глыбокому моречку,
 По тихому да по далекому Дунаечку,

47. *Суходѣль* — сухая земля.

48. Замѣчательно это краткое, но поэтическое изображеніе похороновъ и поминки куреннаго атамана. Для козака тяжела казалась смерть одинокая, безъ присмотра и безъ грусти отъ своихъ.

„Ой не дай же, Боже, на чужинѣ умерти,

Тамъ нѣкому доглянути козацькой смерти.

Тѣльки воронъ — воронъ прилетитъ до тебе,

Да й сяде на тебе, да поклое тебе!“

49. Черное море, знакомое Южной Руси еще со временъ Аскольда и Олега, — было поприщемъ для отваги козацькой. Пускаясь на него, въ своихъ *дубахъ* и *сайкахъ*, Запорожцы перѣдко осаждали берега Крыма, давали знать себя и Варифъ, и Синопу съ Трапезон-

Злая буря вихожае, выступае,
 Козакѡвъ до землѣ чужой проважае.
 А изъ низу буйный вѣтеръ вѣе, повѣвае;
 А по Чорному моречку супротивная хвиля вста-
 вае,
 Да по Чорному морю вовкомъ - сѣроманцемъ лас й
 гукае. —

Зобралися козаки товариши
 Всѣ хоробрый Запорозці
 Про тую бурю мирковати,⁵⁰
 Тихой погодоньки по - надъ синімъ моремъ - дуна-
 емъ пѡдждати.

Одну годину пѡдждали,
 Другую пѡдждали;
 А злая буря все бѡльшъ выступала,
 Да й нѣ трошки⁵¹ по Чорному морю глыбокому,
 По Дунаечку далекому да широкому,
 Тая буря не унѣмала;
 А все злѣйшъ громомъ по небу тарахтала,
 Да блискавкою⁵² мѣжъ хмарами блискала. —

томъ. Морскими походами особенно прославился гетманъ Бог-
 данко (около 1575 г.). Преемникъ его *Иванъ Серняга* или *Под-*
кова (такъ прозванный потому, что онъ могъ руками передомить
 двѣ подковы вмѣстѣ), во время своего гетманства въ 1577 году,
 также воевалъ по Черному морю.

50. *Мирковати* — совѣщаться.

51. *Трѡхи, трѡшки* — мало, немножко.

52. *Блискавка* — молнія.

От-тогда гетьманъ Ивасенько Серпяга
 Козакѣвъ товаришѣвъ до себе подзываетъ,
 До козакѣвъ товаришѣвъ такъ и такъ промовляетъ:
 „Ой вы, панове, рѣднѣйшій мой братця,
 Хоробрѣйшій мой товариши козаки - Запорозцѣй!

Слухомъ нѣколи не слыхано,
 Да й видомъ нѣколи не видано,
 Щобъ такая буря злая на козакѣвъ такъ мѣцно
 выступала й уставала,
 Щобъ такимъ громомъ - блискавкою тарахтала й
 блискала,
 Да щобъ вы, панове козаки товариши, ось - такъ
 довго - довгенько стояли,
 Тихой погодоньки бѣля ⁵³ моря поджидали!“

А козаки тее зачували,
 Да й усѣ замовчали. —

„Колижъ мы той бусурманщины лякалися? ⁵⁴
 Колижъ таки мы одъ ей де-нѣ-будъ ховалися?
 А теперечка, не то щобъ бусурманщины,
 А то не то бурѣ излякалися;
 Тихой погодоньки поджидаючи,
 Да на злую й лихую бурю жалуючи,
 Изовсѣмъ надорвалися!“
 А козаки тее зачували,
 Да й усѣ мѣвчки замовчали;

53. Бѣля — подлѣ, возлѣ.

54. Лякъ — испугъ, лякати — пугать.

Барзо, барзо раховали, ⁵⁵ нічого не промовляли;
 Одинъ одного споглядали; въ походъ выступали.
 От-сѣжъ идуть воны день не день,
 Не два, не три, й не чотырй;
 А злая буря лихая да по Чорному моречку,
     По далекому Дунаечку,
     Барзо унімала;

Да й супротивная хвиля у своїй домовини ⁵⁶, у ков-
   банюги ⁵⁷ бѣжала,
     Да й тамъ пропадала.

А козаки Богові молитвы посылали,
 По три поклоны покладали, одпочинье мали.
 А пѣся все козаки въ походъ выступали;
 Изъ своїмъ хоробрымъ гетьманомъ,

    Сернягою Иваномъ,
     Тяжко нехриста розбивали.

    Думали й гадали;
 Да й пѣдъ городомъ Керманомъ
 Изъ бусурманськимъ салтаномъ

    Примирье мали:
 У ёго худобу ⁵⁸ всю однімали,
 Усѣхъ Татаръ-бурякѣвъ розбивали й плѣндровали.
 Тихою погодонькой, зъ гарною добыченькой,
                                     до-дому привертали.

55. *Раховати* — разсчитывать.

56. *Домовина* — гробъ.

57. *Ковбаня*, увелич. *ковбанюга* — подводная яма.

58. *Худоба* — пожитки, имущество.

10.

О Самойлѣ Кушкѣ. ⁵⁹

I. ОТПЛЫТІЕ ГАЛЕРЫ ИЗЪ ТРАПЕЗОНТА ВЪ КРЫМЪ.

Ой изъ города изъ Трапезонта выступала галера,
Трѣма цвѣтами процвѣтана, малѣвана.

Ой первымъ цвѣтомъ процвѣтана —

Златосинѣми киндяками побивана;

А другимъ цвѣтомъ процвѣтана —

Гарматами арештована;

Третѣмъ цвѣтомъ процвѣтана —

Турецкою бѣлою габою ⁶⁰ покровена.

59. Только по письму храбраго Стрѣка къ крымскому хану (23 Сент. 1675 г.) было извѣстно, что кошевой атаманъ или гетманъ Самойло Кушка воевалъ по Черному морю еще прежде гетмана Богданка (слѣдственно, *прежде 1576 года*).— Вотъ цѣлая поэма объ этомъ вождѣ запорожскомъ, который по ея сказанью, томился 54 года въ плѣну турецкомъ, на галерѣ. Трапезонтскій паша потхаль на той галерѣ свататься въ г. Козловъ. Тамъ на радости музульмане напились до-пьяна. Старый Запорожецъ воспользовался этимъ; истребилъ музульманъ; и галера очутилась у острова Гендры, гдѣ находился тогда гетманъ Скалозубъ. Это было около 1588 года; слѣдственно Самойло Кушка воевалъ по морю и попался въ плѣнъ около 1554 года. Въ числѣ его товарищей главную роль играетъ Ляхъ Бутурлакъ, сотникъ Перелеславскій, мастерски представленный въ думѣ; да и вся она исполнена описаніями истинно художественными. Для удобнѣйшаго ея уразумѣнія, я раздѣлилъ ее на главы.— Записалъ ее, отъ слѣпца-бандуриста въ Полтавской губерніи, г. Лукашевичъ, издавшій *Малороссійскія и Червонорусскія думы и пѣсни*. СПБ. 1836.

60. *Гармата* — пушка. *Габа* — бѣлое турецкое сукно.

То въ тѣй галерѣ Алканъ - Паша,
 Трапезонское князя гуляе;
 Избранного люду собѣ мае:
 Сѣмсотъ Туркѣвъ, янычаръ чотырѣста;
 Да бѣдного невольника пѣвчвартаста, ⁶¹
 Безъ старшины вѣйсковой.
 Первый старшій мѣжъ ними пробувае
 Кушка Самѣйло, гетьманъ запорозскій;
 Другій, Марко Рудій,
     Судья вѣйсковый;
 Третій Мушій Грачъ,
     Вѣйсковый трубачъ;
 Четвертый Ляхъ - Бутурлакъ,
     Ключникъ галерскій,
     Сотникъ Переяславскій, ⁶²
     Недовѣрокъ христіанскій, —
 Що бувъ тридцять лѣтъ у неволѣ,
 Двадцять чотырѣ якъ ставъ по волѣ;
     Потурчився, побусурманився,
     Для паньства великого,
     Для лакомства несчастного! —
 Въ тѣй галерѣ одъ пристаніи далеко одпускали,
 Чорнымъ моремъ далеко гуляли;

61. *Пѣвчварта* — значить $3\frac{1}{2}$; а *пѣвчвартаста* 350, также, какъ *пѣстора* (т. е. пол-втора) значить одинъ съ половиною.

62. По сказанью Конискаго, Малороссія раздѣлена на полки и сотни еще около 1516 года, въ гетманство князя Евстафія Рожинскаго.

Противъ Кефы города приставали,
Тамъ собѣ великій да довгій опочинокъ мали.

II. Сонъ Алкана - пашы.

То представиться Алкану - Пашатѣ,
Трапезонскому князятѣ, молодому панятѣ,
Сонъ дивенъ, барзо дивенъ, на - прочудъ.⁶³
То Алканъ - Паша,
Трапезонское князя,
На Туркѡвъ - янычаръ, на бѣдныхъ невольникѡвъ
покликае:

„Турки — каже — Турки - янычаре,
И вы, бѣдный невольники!
Который бы могъ Турчинъ - янычаръ, сей сонъ
одгадати,
Могъ бы ёму три грады турецкій даровати;
А который бы могъ бѣдный невольникъ одгадати,
Могъ бы ёму листы вызволёны писати,
Щобъ не могъ нѣхто нѣгде зачѣпати!“
Сее Турки зачували, нѣчего не сказали;
Бѣдны невольники, хочъ добре знали,
Собѣ промовчали.

Тѡльки обѡзветься мѣжъ Туркѡвъ Ляхъ-Бутурлакъ,
Клюшникъ галерскій,
Сотникъ Переяславскій,
Недовѣрокъ христіянскій:
„Якъ-же, каже, Алкане-Пашо, твоѣ сонъ одгадати,
Що ты не можешъ намъ повѣдати!“ —

63. *На - прогудъ* или *на - прогудо* — на - диво.

„Такій менѣ, небожята, ⁶⁴ сонъ приспился,
Бодай ніколи не явився!

Видиться: моя галера цвѣткована, малёвана,
Стала вся ободрана, на пожарѣ спускана;

Видиться: мой Турки-янычары

Стали всѣ въ пень порубаны;

А видиться: мой бѣдный невольники,

Который були у неволѣ,

То всѣ стали по волѣ;

Видиться: мене гетьманъ Кушка

На три часті ростявъ,

Въ Чорнее море пометавъ....“

То скоро тее Ляхъ-Бутурлакъ зачувавъ,

Къ ёму словами промовлявъ:

„Алкане-Пашо, трапезонскій княжату,

Молодой паняту!

Сей тобѣ сонъ не буде ни мало зачѣпати;

Скажи менѣ получче бѣдного невольника догла-
дати,

Зъ ряду до ряду сажати,

По два, по три старый кайданы и новый испра-
вляти,

На руки, на ноги надѣвати;

Червоной таволги по два дубці ⁶⁵ брати,

64. *Небожята* (въ единств. *небожа* или *небожѣ*) — голуб-
чки. Впрочемъ *небожѣ*, въ жене. *небога*, значать племянникъ,
племянница.

65. *Дубѣць* — пруть.

По шіяхъ затинати,
Кровь християнскую на землю проливати!“

Скоро то сее зачували,
Одъ пристані галеру далеко одпускали:
До города до Козлова,
До дѣвки Санджакѡвны на залёты ⁶⁶ поспѣшали.

III. Игръ въ городѣ Козловѣ.

То до города Козлова прибували.
Дѣвка Санджакѡвна на встрѣчу выхожае,
Алкана - Пашу въ городѣ Козловѣ зо всѣмъ вѡйс-
комъ затыгае.

Алкана - Пашу за бѣлу руку брала,
У свѣтлицѣ - камяницѣ зазывала,
За бѣлу скамью сажала,
Дорогими напитками наповала;
А вѡйсько середѣ рынку сажала.

То Алканѣ - Паша,
Трапезонское князя,
Не барзо дорогій напитки ѣживае,
Якъ до галеры двоихъ Турчинѡвъ на-пѡделухи по-
сылае:
Щобъ не могъ Ляхъ-Бутурлакъ Кушки Самойла
одмыкати,

Упѡручъ себе сажати!
То скоро ся тый два Турчины до галеры прибували.
То Кушка Самойло, гетьманъ запорозскій

⁶⁶. Залёты — сватовство. Веспѣлье — свадьба.

Словами промовляє :

„Ой Ляше - Бутурлаче, брате старесенькій!
Коли-сь и ты бувъ въ такôй неволѣ, якъ мы тепера:

Добро намъ учини,

Хочъ насъ старшину одомкни;

Хай бы “ и мы у городъ побували,

Паньське весѣлье добре знали. “

Каже Ляхъ - Бутурлакъ :

„Ой Кушко Самойлу, гетьмане запорозьській,

Батьку козацькій!

Добро ты ўчини:

Вѣру христіянську пôдъ нозъ пôдтопчи,

Хрестъ на собѣ поламни!

Аще будешъ вѣру христіянську пôдъ нозъ топтати,

Будешъ у нашего папа молодого за рôдного брата
пробувати! “

То скоро Кушка Самойло зачувавъ,

Словами промовлявъ :

„Ой Ляше - Бутурлаче, сотнику Переяславській,

Недовѣрку христіянській!

Бодай же ты того не дождавъ,

Щобъ я вѣру христіянську пôдъ нозъ топтавъ!

Хочъ буду до смерти бѣду да неволю пріймати,

А буду въ землѣ козацькôй голову христіянську
покладати!

Ваша вѣра погана,

Земля проклята! “

67. *Нехай*, сокращенно *хай* (по - червоноруски *най*)—пусть.

Скоро Ляхъ - Бутурлакъ тее зачувае ,
Кушку Самойла у щоку затинае.

„Ой! — каже — Кушко Самойлу, гетьмане запороз-
ській!

Будешъ ты мене въ вѣрѣ христiянськôй укоряти,
Буду тебе паче всѣхъ невольникôвъ доглядати,
Старый и новыи кайданы направляти,
Ланцюгами за-пôперекъ втрое буду тебе брати!“ —

То тѣ два Турчина тее зачували,
До Алкана - Паши прибували :

„Алкане - Пашо, Трапезонськее князя!

Беспечно гуляй,

Доброго и вѣрного ключника маешъ :

Кушку Самойла въ щоку затинае ,

Въ турецьку вѣру ввертае!“

То Алканъ - Паша ,

Трапезонськее князя ,

Великую радость мало :

По-поламъ дорогiй напитки роздѣляло,

Половину на галеру одсылало ,

Половину зъ дѣвкою Санджакôвною уживало.

Ставъ Ляхъ-Бутурлакъ дорогiй напитки пити-пôд-
пивати ;

Стали умыслы козацьку голову ключника розби-
вати.

„Господи ! есть у мене що испити и исходити ,
Тôльки нѣ-съ-къмъ объ вѣрѣ христiянськôй роз-
говорити....“

До Кушки Самойла прибуває,
 Поручь себе сажает,
 Дорогого напитка метает,
 По два, по три кубки въ руки наливае.

То Самойло Кушка по два, по три кубки въ руки
 бравъ:
 То въ рукава, то въ пазуху, скрѣзь хусту третю
 до-долу пускавъ.

Ляхъ Бутурлакъ по единому вишивавъ:
 То такъ напився,
 Що зъ нѣгъ звалився.

IV. ПРИГОТОВЛЕНІЕ ГАЛЕРЫ КЪ ПОБѢГУ.

То Кушка Самойло да угадавъ:
 Ляха - Бутурлака до лѣжка вмѣсто дитяти снати
 клавъ;
 Самъ восѣмдесять-чотырѣ ключи съ - пѣдъ головъ
 вѣймавъ,
 На пяти чоловѣкъ по ключу дававъ:
 „Козаки - панове! добре майте,
 Одинъ другого одмыкайте,
 Кайданы изъ нѣгъ, изъ рукъ не кидайте,
 Полуночной години дожидайте!“

Тогдѣ козаки одинъ другого одмыкали;
 Кайданы изъ рукъ, изъ нѣгъ не кидали,
 Полуночной години дожидали.
 А Кушка Самойло чого-сь догадавъ,

За бѣднаго невольника ланцюгами втрое себе принявъ ;

Полуночной години дожидавъ.

Стала полуночная година наступати ,

Ставъ Алканъ-Паша зъ вѣйскомъ до галеры прибавати.

То до галеры прибававъ ,

Словами промовлявъ :

„Вы , Турки - янычаре , по-маленьку ячѣте ,

Моего вѣрнаго ключника не збудѣте !

Сами же добре по-мѣжъ рядами проходите ,

Всякого человѣка осмотряйте !

Бо тепера вѣнъ подгулявъ ,

Щобы кому польги не давъ.....“

То Турки - янычаре свѣчй у руки брали ,

По - мѣжъ рядѣвъ проходили ,

Всякого человѣка осмотряли....

Богъ помогъ !... за замѣкъ руками не принимали!—

„Алкане - Паша , безопасно почивай !

Доброго и вѣрнаго ключника маешь :

Вѣнъ бѣднаго невольника зъ ряду до ряду посажавъ ,

По три , по два старыи кайданы посправлявъ ;

А Кушку Самойла ланцюгами утрое принявъ.“

Тогдѣ Турки-янычаре у галеру входили ,

Безопасно спати полагали ;

А который хмельны бывали , на сонъ знемагали ,

Коло пристани Козловской спати полагали.—

V. ОСВОБОЖДЕНІЕ ГАЛЕРЫ ОТЪ ТУРКОВЪ.

Тогдѣ Кушка Самойло полуночноѣ години до-
ждавъ :

Самъ мѣжъ козакѡвъ уставъ ;
Кайданы изъ рукъ , изъ нѡгъ у Чорнее море по-
ронявъ ;

У галеру вхожае , козакѡвъ пробужае ,
Шаблѣ булатный на выбѡръ выбѣрае ,
До козакѡвъ промовляе :

„ Вы, панове - молодцѣй , кайданами не стучѣте ,
Ясины не ўчинѣте ,

Нѣ которого Турчина въ галерѣ не збудѣте !....“

То козаки добре зачували :

Сами зъ себе кайданы скидали ,

У Чорнее море кидали ,

Нѣ одного Турчина не збудили.

Тогдѣ Кушка Самойло до козакѡвъ промовляе :

„ Вы, козаки - молодцѣй ! добре , братіе , майте !

Одъ города Козлова забѣгайте ,

Туркѡвъ - янычарѡвъ въ пень рубайте ,

Которыхъ живцемъ у Чорнее море бросайте !“

Тогдѣ козаки одъ города Козлова забѣгали ,

Туркѡвъ - янычаръ въ пень рубали ,

Которыхъ живыхъ въ Чорнее море бросали.

А Кушка Самойло Алкана - Пашу изъ лѡжка взявъ ,

На три частѣй ростявъ ,

У Чорнее море побросавъ ;

До козакѡвъ промовлявъ :

„Панове - молодці! добре дбайте,
 Всѣхъ у Чорнее море бросайте,
 Тільки Ляха - Бутурлака не рубайте,
 Между вѣйськомъ для порядку, за ярызу⁶⁸ вѣйсь-
 кового, засталяйте!“

Тогдѣ козаки добре мали:
 Всѣхъ Туркѣвъ у Чорнее море пометали;
 Тільки Ляха - Бутурлака не зрубали,
 Между вѣйськомъ, для порядку, за ярызу вѣйсь-
 кового, засталяли.

VI. Плаваше галеры къ днѣпровскому лиману. Плачъ Санджа-
 ковны. Поздравленіе Алкана-паши. ⁶⁹

Тогдѣ галеру одъ пристані одпускали,
 Сами Чорнымъ моремъ далеко гуляли. —
 Да ще у недѣлю барзо рано - пораненьку,
 Не сива зозуля заковала,
 Якъ дѣвка Санджакѣвна коло пристані похожала,
 Да бѣлы руки ламала, словами промовляла:
 „Алкане - Пашо, Трапезонськее княжату,
 На що ты на мене такее великее пересердіе маешъ,

68. *Ярыза*, или правильнѣе *ярыга* — сыщибъ.

69. Въ этомъ плачѣ невѣсты и поздравленіи жениха высказы-
 вается юморъ украинскій. (Неизбѣжнымъ мѣстомъ поздравленія
 названъ *Цареградъ*.... Не называлась ли именемъ *Царе-града*,
 или иного *града*, какая нибудь турецкая крѣпость? Но и то быть
 можетъ, что позднѣйшіе бандуристы перемѣшали здѣсь имена го-
 родовъ, и что сватовство Алкана-Паши происходило не въ
 Козловѣ, а въ Кефѣ, гдѣ имѣлъ свое мѣстопробываніе губерна-
 торъ турецкій).

Що одъ мене сёгодня барзо рано выѣзжаешъ ?

Когда бы була одъ отця и матерѣ

Сорома и наруги приняла ,

Зъ тобою хочъ едину нѣчь переночовала ! “

Скоро ся тое промовляли ,

Галеру одъ пристани одпускали ,

Сами Чернымъ моремъ далеко гуляли.

А ще у недѣлоньку ,

У полуденну годиноньку ,

Ляхъ - Бутурлакъ одъ сна пробуждае ,

По галерѣ поглядае , що ни единого Турчина у
галерѣ немає.

Тогдѣ Ляхъ - Бутурлакъ изъ лѣжка вставае ,

До Кушки Самойла прибувае , у ноги впадае :

„ Ой Кушко Самойлу , гетьмане запорозьскій ,

Батьку козацькій !

Не будь же ты на мене ,

Якъ я бувъ на останцѣ вѣка моего на тебе !

Богъ тобѣ допомогъ непріятели побѣдити ,

Да не умѣтимешъ у землю христіянську входити !

Добре ты учини :

Половину козакѣвъ у оковы до оначинъ ⁷⁰ посади ,

А половину у турецькее дорогее платье наряди ;

Бо ще будемо отъ города Козлова до города Царе-
града ⁶⁹ гуляти ,

Будуть изъ города Цареграда дванадцять галеръ
выбѣгати ,

70. *Оначина* — большое весло.

Будуть Алкана - Пашу зъ дѣвкою Санджакѡвною

По залѣтахъ поздравляти:

То якъ будешъ отвѣтъ отдавати?...“

Якъ Ляхъ - Бутурлакъ научивъ,

Такъ Кушка Самойло гетьманъ запорозьскій учи-
нивъ :

Половину козакѡвъ до опачинъ у оковы посадивъ,

А половину у турецькее дорогее платьє нарядивъ.

Стали одъ города Козлова до города Цареграда
гуляти ,

Стали изъ Цареграда дванадцять галеръ выбѣгати,

И галеру изъ гарматы торкати, —

Стали Алкана-Пашу зъ дѣвкою Санджакѡвною

По залѣтахъ поздравляти.

То Ляхъ - Бутурлакъ чого-сь догадавъ :

Самъ на чердакъ выступавъ,

Турецькимъ бѣленькимъ завиваломъ махавъ ;

Разъ то мѡвить по - грецьки ,

У другє по - турецьки ;

Каже: „вы Турки - янычаре , по-маленьку, братія,
ячѣте,

Одъ галеры одвернѣте ;

Бо тепєра вѡнъ пѡдгулявъ , на упокоѣ почиває ,

На похмѣлье знимає ,

До васъ не встане , головы не зведе.

Казавъ : якъ буду назадъ гуляти ,

То не буду вашой милості и по вѣкъ забувати! „

Тогдѣ Турки - янычаре одъ галеры одвертали ,

До города Цареграда убѣгали :

Изъ дванадцяти штукъ гарматъ гремали, —
Яссу воздавали. —

Тогдѣ козаки собѣ добре дбали:

Сѣмъ штукъ гарматъ собѣ арештовали,
Яссу воздавали,

На Лиманъ - рѣку испадали,
Къ Дибѣру - Славутѣ ⁷¹ низенько укланяли:
„Хвалимъ Тя, Господи, и благодаримъ!
Були пятьдесять чотырѣй годы у неволѣ,
А тепера чи не дасть намъ Богъ хоть часъ по волѣ!

VII. Прибытіе галеры къ козакамъ, къ острову Тендрѣ. ⁷²

А у Тендровѣ островѣ Семень Скалозубъ
Зъ войськомъ на заставѣ стоявъ,
Да на тую галеру поглядавъ,
До козакѣвъ словами промовлявъ:
„Козаки, панове-молодці! що сія галера — чи блу-
Чи свѣтомъ нудить, дить,
Чи много люду царського має,
Чи за великою дѣбачкою ганяе?
То вы добре майте:
По двѣ штукъ гарматъ набѣрайте,
Ту ю галеру изъ грозной гарматы привѣтайте
Гостинця ѣй дайте!“

71. Дибѣръ козаки величали именемъ *Славуты*. Это велось издревле, какъ видно изъ Пѣсни о полку Игоревѣ: „О Дибѣре Словутиню!“

72. Островъ *Тендровъ* или *Тендра* не вдалекѣ отъ Кибурской Косы, противъ устья Дибровскаго.

Тогдѣ козаки промовляли :

„Семене Скалозубе, гетьмане запорозьскій,

Батьку козацькій!

Де-сь ты самъ боишься

И насъ козакѡвъ страшишься:

Есть сія галера не блудить,

Ни свѣтомъ нудить,

Ни много люду царьского мае,

Ни за великою добычью ганяе:

Се, може, є давній, бѣднѣй невольникъ изъ не-
воли утѣкае....“

„Вы вѣры не доймайте,

Хочъ по двѣ гарматы набѣрайте:

Ту ю галеру изъ грозной гарматы привѣтайте,

Гостинця єй дайте:

Якъ Турки - янычаре, то у пень рубайте;

А якъ бѣднѣй невольникъ, то помочи дайте!“

Тогдѣ козаки, якъ дѣти, не гараздъ починали,

По двѣ штуки гарматъ набѣрали:

Ту ю галеру изъ грозной гарматы привѣтали,

Три дѡски у суднѣ выбивали,

Воды Днѣпровської напускали....

Тогдѣ Кушка Самойло, гетьманъ запорозьскій

Чого - сь отгадавъ,

Самъ на чердакъ выступавъ;

Червоный, хрещатый, давній корогвы ⁷³ изъ ки-
шеней вынимавъ,

73. *Корогва* — хоругвь, знамя. У козаковъ (по крайней мѣрѣ,

Роспустивъ,
 До воды похиливъ;
 Самъ низенько уклонивъ:
 „Козаки, панове-молодці! сія галера не блудить,
 Ни свѣтомъ нудить,
 Ни много люду царьского мае,
 Ни за великою дѣббычю ганяе:
 Се есть давній, бѣдный невольникъ
 Кушка Самойло изъ неволи утѣкае;
 Були пятьдесятъ чотырі́ годы у неволѣ,
 Теперъ чи не дасть Богъ хоть на часъ по волѣ!“

VIII. Раздѣлъ добычи. Поздравленіе Самойла Кушки.

Поминка по немъ.

Тогдѣ козаки у каюки скакали;
 Тую галеру за малёваны облавки брали,
 Да на пристань стягали;
     Одъ дуба до дуба
     На Семена Скалозуба
     Паёвали;
 Тую галеру да на пристань стягали.
     Тогдѣ: златосиній киндяки на козаки,
     Златоглавы⁷⁴ — на отаманы,

въ ихъ войны съ Поляками) были знамена *герсоныя*, *хрещатыя* (т. е. красныя, съ изображеніемъ креста). Старый вожь запорожскій, въ полувѣковомъ плѣну своемъ, сберегъ козацкое знамя; и распустилъ его въ виду козаковъ, невдалекѣ Днѣпровскаго лимана.

74. Златоглавъ и среброглавъ — глазеть.

Турецкую бѣлую габу—на козаки на бѣляки;
А галеру на пожаръ спускали.

А срѣбро, злато—на три частѣ паёвали:

Первую часть брали, на церкви накладали,

На Святого Межигорьскаго Спаса,

На Трехтемировскій монастырь,

На святую Сѣчовую Покровъ давали, —⁷⁵

Которы давнѣмъ козацкимъ скарбомъ будовали,

Щобъ за ѣхъ, вставаючи и лягаючи,

Милосерднаго Бога благали.

А другую часть по-мѣжъ собою паёвали;

А третью часть брали,

Очертами сѣдали,

Пили да гуляли,

Изъ семипядныхъ пищалей гремали,

Кушку Самойла по волѣ поздоровляли:

„Здоровъ, кажутъ, здоровъ, Кушко Самойлу,

Гетьмане запорозьскій!

Не загинувъ еси у неволѣ,

Не загинешъ и зъ нами козаками по волѣ!“

---

75. Запорожцы до послѣдняго времени были очень набожны и щедры на церковное подаяніе. Нерѣдко и свой вѣкъ доживали они въ монастыряхъ. Особенно уважались у нихъ два наддѣпровскіе монастыря: *Успенскій Терехтемировскій*, отданный имъ Стефаномъ Баторіемъ, и *Спаскій Межигорскій*, къ которому съ 17-го вѣка Запорожцы приписались какъ прихожане; и не иначе принимали священниковъ, въ свою Сѣчевую Покровскую церковь, какъ изъ Межигорцевъ. Оба монастыря существовали до исхода прошлаго столѣтія.

Правда, панове, полягла
 Кушки Самойла голова,
 Въ Кіевѣ - Каневѣ монастирѣ....⁷⁶
 Слава не ўмре, не поляже!

Буде слава славна:
 По - мѣжъ козаками,
 По - мѣжъ друзьями,
 По - мѣжъ рыцарями,
 По - мѣжъ добрыми молодцями.
 Утверди, Боже! люду царського,
 Народу християньского,
 Вѣйска Запорозьского,
 Доньського;
 Съ сією чернью Днѣпровною,
 Низовною,
 На многія лѣта,
 До конца вѣка!

11.

Черноморская буря.

На Чорному морѣ, на бѣлому камнѣ
 Ясенькій соколъ жалѣбно квилить, проквиляє,
 Смутно себе має, на Чорнее море спильна поглядає,
 Що на Чорному морю недобре ся-починає:

76. Въ монастирѣ Каневскомъ погребены были три вождя запорожскіе: *Подкова*, *Жахъ* и *Кушка*. Этотъ монастирь также уже не существуетъ.

Що на небѣ усь звѣзды потмарило,
 Половина мѣсяця въ хмары вступило;
 А изъ низу буйный вѣтеръ повѣває,
 А по Чорному морю супротивна хвиля уставає,
 Судна козацкѣй на три частѣ розбивае:

Одну часть взяло,
 Въ землю Агарську занесло;
 Другу часть гѣрло
 Дунайське пожѣрло;
 А третя — де ся - мае?
 Въ Чорному морѣ потонае! — ⁷⁷

При той частѣ бувъ Грицько Зборовскѣй, ⁷⁸
 Отаманъ козацкѣй запорозьскѣй.
 Той по судну похожае, словами промовляє:

77. Бандуристъ изобразилъ морскую бурю, что бы смирять ея буйство украинской молодежи, такъ часто уходившей *козаковать* на Запорожье, безъ благословенія родительскаго. — На козацкихъ ладьяхъ есть грѣшникъ, почитаемый за праведника. Черное море не выноситъ его на себѣ, и волнуется. Козакъ, приносятъ открытую покаянную исповѣдь, творить молитву — и морская буря утихаетъ.

78. Этотъ козацкѣй вождь, — какъ справедливо замѣтилъ г. Грабовскѣй (въ разборѣ моего втораго изданія *Украинскихъ Писень*, напечатанномъ во 2 части его сочиненія *Literatura i Krytyka, Wilno, 1837*) — есть тотъ *Самуиль Зборовскѣй*, который послѣ изгнанія своего изъ Польши (1574 г., за дуэль съ Тенчнскимъ), служилъ при Стефанѣ Баторіѣ, и въ козацкихъ отрядахъ при гетманѣ Свирговскомъ; а потомъ (между 1579 — 83 г. былъ самъ выбранъ въ гетманы Запорожцами, и ходилъ съ ними на Черное море. Въ 1584 г. онъ казненъ въ краковѣ, канцлеромъ Ив. Замоискимъ.

„Хто - съ мѣжъ нами, панове, великій грѣхъ на
собѣ має,

Що-съ дуже злая хуртовина на насъ налягає.

Сповѣдайтесь, панове, милосердному Богу,

Чорному морю, и менѣ отаману кошовому!

Въ Чорнее море впадѣте,

Вѣйска козацького не губѣте!“

То козаки тее зачували,

Усѣ замовчали:

Бо въ грѣхахъ себе не знавали.

Тѣльки обозвався писарь вѣйсковый,

Козакъ лейстровый,⁷⁹

Пирятинскій Поповичъ Олексѣй:

„Добре вы, братця, ўчинѣте,

Мене самого возъмѣте,

Менѣ чорною китайкою очі завяжѣте,

До шій бѣлый камѣнь причепѣте,

Да й у Чорнее море зонхнѣте!

Нехай буду одинъ погибати,

Козацького вѣйска не збавляти!“

То козаки тее зачували,

До Олексѣя Поповича словами промовляли:

79. Козакъ *лейстровый* значить *реестровый* — (малороссійское нарѣчіе въ иноязычныхъ словахъ любило перемѣнять *р* на *л*: *лицарь*, *лейтарь*, *олондарь* — вм. рыцарь, рейтарь, арендарь); т. е. принадлежащій въ украинскимъ козачьимъ полкамъ, постояннымъ и опредѣленнымъ въ числѣ. Кромѣ того были еще *оготеконные* полки, составлявшіе *оготное* козацкое войско. Въ этомъ не было недостатка, по словамъ украинской лѣтописи: „речеть старшій слово; и абіе войска числомъ, аки трава будеть!“

„Ты-жъ святее письмо у руки берешъ, читаешъ,
Насъ простыхъ людей на все добре наставляешъ:
Якъ же наибольше одъ насъ на собѣ грѣхѡвъ ма-
ешъ?“

„Хоча святее письмо я читаю,
Васъ простыхъ людей на все добре наставляю;
А я все самъ недобре починаю.
Якъ я изъ города зъ Пирятина, панове, выѣзжавъ,
Опрощенья зъ пап-отцемъ и зъ панѣ-маткою не
бравъ;
И на своего старшого брата великій гнѣвъ покладавъ,
И близькихъ сусѣдѡвъ хлѣба-й-соли безневинно
збавлявъ;
Дѣти малый, вдовы старый стременемъ у груди
штовхавъ;
Безпечно по улицямъ конемъ гулявъ;
Противъ церкви, дому Божого, проѣзжавъ —
Шапки зъ себе не зймавъ.
За те, панове, великій грѣхъ маю,
Теперьъ погибаю!
Не есть се, панове, по Чорному морю хвиля ветае;
А есть се—мене отцевська й материнська молитва
карае!

Колибъ мене сая
Хуртовина злая
Въ морѣ не ўтопила,
Одъ смертѣй молитва боронила;
То знавъ бы я отця й матѣрь шанувати, пова-
жати!

То знавъ бы я старшого брата за рѣдного отца
почитати;

И сестру рѣдненьку за неньку у себе мати!“

То якъ ставъ Поповичъ Олексѣй грѣхи свой
снѣвѣдати;

То стада злая хуртовина по Чорному морю сти-
хати;

Судна козацькѣ до-горы, якъ руками, пѣдѣймала;
До Тендрова острова прибывала.

То всѣ тогдѣ козаки дивомъ дивовали:

Що по якому Чорному морю, по быстрѣй хвилѣ
потопали;

А нѣ одного козака зъ-межи вѣйска не ўтерали!

Отъ-же тогдѣ Олексѣй Поповичъ изъ судна выхо-
жае,

Бере святее письмо въ руки, читае,

Усѣхъ добрыхъ людей на все добре навчае,
До козакѣвъ промовляє:

„От-тымъ-бы-то, пайове, треба людей поважати;
Пан-отця й панѣ-матку добре шанувати!

Бо который чоловікъ тее урѣбляє,

Повѣкъ той счастья собѣ мае,

Смертельный мечъ того минае.

Отцева й матчина молитва зо-дна моря вѣймае;

Одъ грѣхѣвъ смертельныхъ душу одкупляє;

На полѣ й на морѣ на помѣчь помагае!“

12.

На побѣду Чигиринскую. ⁸⁰

Ой у нашої у славної Україні
 Бували коли-сь прешрашній злыгодній, бездоль-
 ній години;

Бували й моры,

И войськовы чвары; ⁸¹

Нїхто Українцїв не рятовавъ; ⁸²

Нїхто за їхъ Богови молитвъ не посылавъ;

Тольки Святый Богъ нашихъ не забувавъ:

На великій зусилья, на одновѣдья ⁸³ державъ!

Тольки Богъ Святый знавъ,

Що вѣнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ,

Якъ незгодины на Украинську землю посылавъ!

Отъ - же й пройшли, изыйшли злій незгодины:

Немає нїкого, щобъ насъ подолѣли!

Тольки Богъ Святый знавъ,

Що вѣнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ!

Не день, и не два Ляхи Україну плѣндровади, ⁸⁴

Ни на часиночку одпочинья не мали,

80 Видно по всему, что эта дума, проникнутая глубокою преданностью воле Божіей, сложена вѣдѣ за тою побѣдою, которую козацкій гетманъ Павелъ Наливайко одержалъ надъ короннымъ гетманомъ Жолкевскимъ, при Чигиринѣ, 1596 года.

81. *Чвара* — свара, смута; гроза.

82. *Рятувати* — спасать, избавлять.

83. *Одновѣдье* — отвѣтъ, отпоръ.

84. *Плѣндрувати* — разорять.

Коней на-взавахъ ⁸⁵ день и нѣчь держали,
 До гетьмана Наливайка дорогу верстали.
 А гетьманъ хоробрый Наливайко—що вѣнь думаетъ,
 гадаетъ?

Що вѣнь за долю товаришѣвъ свойхъ замышляетъ?
 Тѣльки Богъ Святый знаетъ,
 Що ёму на помѣчь помагае!....

Изъ-за горы хмара выступаетъ—выступаетъ, выходитъ,
 До Чигрина громомъ выгрѣмляетъ,
 На Украинську землю блискавкою блискаетъ. ⁸⁶
 То Поляки черезъ три рѣки три переходы мали,
 Да й бѣля третѣго переходу станомъ стали;

Пустили коней на попасанье,
 Сами собѣ дали на три години одпочиванье.—
 А що гетьманъ Наливайко думаетъ, гадаетъ?
 Що вѣнь на незгору Ляхѣвъ замышляетъ?
 Тѣльки Богъ тее знаетъ, що ёму на помѣчь помагае!

То не хмары по небу громомъ святымъ выгрѣм-
 ляють, ⁸⁶

То не Святыхъ воны до Бога проважають;
 То Ляхи у бубны ўдаряють,
 У свистѣлки да у трубы выгравають,
 Усе вѣйсько свое до-куны у громаду скликають,

85. *На-взаходы* — во весь поводъ, во весь опоръ. Этимъ очень мѣтко выражено то, какъ Жолкевскій гонился за Наливайкомъ.

86. Это двукратное живое изображеніе непріятельскаго нашествія — грозовою тучею, напоминаеть подобную картину въ Пѣснѣ о полку Игоревѣ „Черныя тучи съ моря идуть .. а въ нихъ трепещуть еяніи мѣлины.“

Щобъ ишли усѣ до громады на послуханье,
 Слухати гетьмана Жовковского одповѣданье.
 Отъ-то й пришли усѣ, рядомъ стали,
 Усѣ рядомъ стали, да й замовчали,
 Гетьманське одповѣданье слухати зачали.
 А послухавши, коней сѣдали,
 Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали;⁸⁷
 Мосты мостили, греблѣ гатили, кѣлья забивали,
 Горзину да дряницю клали,
 Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали.
 А перейшовши, обгороды да шанці робили,
 Увѣ окрѣпѣ гарматы становили;
 А поперѣдъ гарматами три хресты вколотили.⁸⁸
 А що первый хрестъ, то Сомино вѣситъ,
 Сомино вѣситъ, барзо голосить.
 А що другій хрестъ, то Богунъ вѣситъ,
 Богунъ вѣситъ, шаблюкою допотить.
 А що третій хрестъ, то порожній стоить,
 Усѣхъ иншихъ козакѣвъ до себе пѣдждае,
 Козакѣвъ пѣдждае, козакѣвъ оглядае.
 Хто первый пѣдйде, того гармата убѣ;

87. *Бѣлоу-рѣзкою* названа здѣсь р. Тясминь.

88. Извѣстно и по лѣтописямъ, что Жолкевскій передъ битвою выставилъ противъ Наливайка три креста, съ повѣшенными на нихъ козацкими старшинами, захваченными подъ Каневомъ. На одномъ повѣшенъ былъ *Богунъ*; на другомъ *Сомино* или *Сутига*; а третій крестъ — такъ живописно нарисованный въ думѣ — достался на долю *Войновича*. Въ отвѣтъ на эти три креста, Наливайко выставилъ трое знаменъ (см. примѣч. 73) съ надписью: „Миръ христїянству; а на зачинщика Богъ и его Крестъ!“

Хто другій добѣжить, того самопаль цапне,
 Хто третій пѣдлетить, той хреститься буде,
 Хреститься буде й молитися стане,
 Що хрестъ зъ осоки — то ёго надбанье!... ⁸⁹

А козаки глядѣли, у вѣчій ѹбачали,
 Про-мѣжъ себе бурковали, раховали;
 Три корогви на забаченье Ляхамъ становили,
 На корогвахъ уговоръ - рядну писали:
 „Вѣрному православному христіянству миромъ
 миръ;

А Ляхамъ - ворогамъ некельный пиръ!
 У кого хрестъ — на того й хрестъ!“

Отъ-се-жъ и пѣшли наши на чотырѣ поля,
 Що на чотырѣ поля, а на пята на подолье;
 Ляхѡвъ на всѣ стороны, по всѣмъ хрестамъ ко-
 лотили;

Ляхи опрощенья просили, да не допросилсь:
 Не такѡвськи козаки, щобъ опрощенья дали!
 Не такѡвськїй й Ляхи, щобъ напасть забули!

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ковала; ⁹⁰
 Що вона ковала, промѣжъ Святыхъ чувала;
 Що вона ковала, тому й бути - стати.
 Якъ стануть бѣсы правыхъ и неправыхъ еднати,

90. Какъ значительно здѣсь это предчувствіе бѣды, вѣкорѣ постигшей козаковъ, и той казни, которою пострадалъ Наливайко съ своими товарищами.

89. *Надбанье* — приобрѣтенье, стяжанье.

Души забѣрати, у пѣкло до-купы складати.

Одъ того й сѣго, одъ иншого чого,

Боже намъ поможе!

Про те вѣнъ и знае, що вѣнъ думас, гадае,

Що Павловѣ Наливайковѣ да на помочъ помагае.

Не намъ про тее, за тее раховати:

Наше дѣло Боговѣ молитися,

Спасителю хреститься!

13.

Походъ на Поляковъ. ⁹¹

Ой пошли козаки на чотырѣ поля,

Що на чотырѣ поля, а на пяте на подолье.

91. Эта прекрасная дума (записанная г. Срезневскимъ отъ слѣпца - бандуриста, въ Екатеринославской губернии) представляетъ живую, вѣрную картину того безотраднaго положенiя, въ какомъ находилась Украина со смерти гетмана Конашевича - Сагайдачнаго — до гетманства Богдана Хмельницкаго (1622—48). Козацкiя ополченiя на Поляковъ возникали одно за другимъ, и кончались почти всегда гибельно для вождей, и для всего козачества. — Въ 1637 году, послѣ казни гетмана *Павлюка* или Павла Михновича Бута, — опять идутъ три козацкiе отряда.

Однимъ отрядомъ начальствуетъ *Сомко - Мушкетъ* — главное лице въ думѣ. Кто этотъ *панъ хоружій*, не названный въ лѣтописяхъ? Полагаю, что это тотъ *Самко*, котораго дочь *Анна* была первою женою Хмельницкаго, бывшаго въ это время войсковымъ писаремъ. — Сомко представленъ идущимъ черезъ поле недавней битвы, еще усыпанное козацкими трупами. Его обуравляютъ смутныя мысли, что козачество и слава козацкая погибнуть.

Що однимъ полемъ, то пошовъ Самко-Мушкетъ;
А за паномъ хоружимъ мало - мало не три тысячй,
Усе хробрый товаришй Запорозьцй:

На коникахъ выграваяють, шабельками блискають,
у бубны ўдаряють,
Боговй молитвы посылають, хресты покладають.

А Самко Мушкетъ—то вѣнь на конѣ да й не вы-
граваетъ,

Коня удержуетъ, до себе притягаетъ, думаетъ, гадаетъ.
Да щобъ сто чортѣвъ ўбили ту ёго думу, що га-
данье! —

Самко Мушкетъ думаетъ, гадаетъ,
Словами промовляетъ.

„А що, якъ наше козацество мовъ у пеклѣ Ляхи
спалить,“⁹²

Да зъ нашихъ козацкихъ костей пиръ собѣ на
похмѣлье зварять!....

Другой вожь *Степанъ Кукоруза* — по моему предполо-
женію, есть *Степанъ Острианица*. Имъ овладѣло грустное пред-
чувствіе приближающейся смерти (1638 года онъ колесованъ въ
Варшавѣ).

Впереди третьяго отряда *Карпъ Полтора - Кожуха*, — быв-
шій гетманомъ послѣ Острианицы, съ 1639 года. Этотъ щирый
Запорожець, послѣ неудавшихся попытокъ противъ Поляковъ, хо-
дилъ на Крымскія степи, гдѣ и кончилъ свою жизнь, похоронен-
ный, за неимѣніемъ гроба, въ горѣлочной бочкѣ. Здѣсь въ думѣ
онъ гарцуетъ на конѣ, преодоляя свою печаль - тоску, кото-
рую хочетъ онъ затушить виномъ и заглушить звуками пѣсни.

92. Здѣсь воспоминаніе о казни Наливайка, сожженного на
Варшавской площади — въ раскаленномъ мѣдномъ быкѣ.

А що, якъ наши головы по степу - полю поляжутъ,
 Да ще й рѣдною кровью умыются,
 Поперерасколотыми шаблями покрываются!....
 Пропаде, мовъ порошина зъ дула, тая козацкая
 слава,

Що по всѣму свѣту дыбомъ стала;
 Що по всѣму свѣту степомъ розляглась, простяглась;
 Да по всѣму свѣту луговымъ гомономъ роздалась;⁹³
 Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ зна-
 ти далась;
 Да й Ляхамъ - врагамъ на списъ оддалась!⁹⁴...

Закряче воронъ, степомъ летючи;
 Заплаче зозуля, лугомъ скачучи;
 Закуркуютъ кречеты сизы;
 Загадаются орлики хижі;
 Да все, усе по своихъ братахъ,
 По буйныхъ товаришахъ козакахъ!⁹⁴

Чи то їхъ згарбомъ занесло?
 Чи то їхъ у пеклѣ потонуло?
 Що невидно чубатыхъ, не то по степахъ, не то й
 по лугахъ,
 Не то й по татарськихъ земляхъ,

93. *Луговой гомонъ*—шумъ лѣсовъ.— *Лугомъ* называется собственно лугъ, покрытый лѣсомъ; оттого и названіе — *темный лугъ*, и частыя слова пѣсни: *не шуми, луже!* Запорожцы любили свои приднѣпровскіе луга, и говорили: „Сядь, мати; а великій лугъ батько!“

94. Здѣсь вполне видна народно-поэтическая вѣра въ сочувствіе природы къ человеку, отзывное на его къ ней сочувствіе.

Не то й по турецькихъ горахъ,
 Не то й по черныхъ моряхъ,
 Не то й по ляцкихъ поляхъ?...
 Закряче воронъ, загрое, зашумое,
 Да й полетить у чужую землю ....
 Ань-ба! кѣстки лежать, шаблюки сторчать;
 Кѣстки хрустятъ, шаблюки поперерасколоты бряж-
 чать!.....
 А чорна, сива сорока оскалилаєь да й басує!
 А що головы козацькѣ — то мовъ Швець-Семень
 шкуру загубивъ! ⁹⁵
 А що чубы — то мовъ чортяка джгуты поробивъ;
 У крові уєь да й позасыхали:
 От - то й славы набрали! ⁹⁶

95. *Семень - Швець* на Украинѣ издавна вошелъ въ пословицу; на прим. онъ смѣлъ его — мовъ *Швець - Семень шкуру!* Не есть ли это передѣланное имя *Усмо-швець* — имя древняго Переяславскаго богатыря-кожевника, который такъ потѣшилъ в. кн. Владимира единобожествомъ съ Нечесѣжиномъ?.... Впрочемъ, есть повѣсть (позднѣйшаго изобрѣтенія) о нѣкоемъ *Семень*, какъ основателѣ Запорожскаго козачества, будто бы ходившаго тогда въ *козылѣ* шкурахъ, и отъ того — де названнаго *козарами* или *козаками*! (См. въ Ист. Госуд. Рос. Т V прим. 416.)

96. Извѣстно, что Запорожцы, на своихъ подбритыхъ головахъ, носили длинныя *оселедцы* или *зубы* (такъ было и на головѣ в. кн. Святослава Игоревича).

Козацкѣй вождь видитъ эти чубы, на полѣ битвы, засохшіе въ крови и говоритъ: *словно горть жгуты повилъ: то-то и славы набрались!*.... Только отчаяніе могло высказываться такою горькою преніей!

Ой пошли козаки на чотырѣ шляхи,
 Що на чотырѣ шляхи, а на пяте на подолье.
 Що однимъ полемъ, то пошовъ Самко-Мушкетъ;
 А другимъ полемъ — Стецько Кукуруза:
 Сизою голубкою голову свою буйную до-долу за-
 кинувъ.

А за нимъ идутъ мало-мало не три тысячѣ,
 Усе хоробрый товаришѣ Запорожьцѣ:
 На коникахъ выграваютъ, шабельками блискають,
 у бубны ўдаряють,
 Богови молитвы посылають, хресты покладають;
 До Стецька Кукурузы ось-такъ промовляють.
 „Чи ты живъ, чи здоровъ, пане Степане?
 Чи ты ўмеръ, що твою головоньку дубомъ до-
 долу прибило?

Рахovanje — не въ поминанье!
 Коли-жъ-небудь треба да по насъ поминки робити!
 Що по насъ, пане, старѣ бабы стануть у полѣ
 свистѣти;
 А по тобѣ, пане, молодой дѣвчата зачнуть го-
 лосити!⁹⁷

— Да те все однако,
 Що Якимъ, що Яковъ!⁹⁷
 Ось, якъ пристанемо до пятого яра,
 То хочъ и середъ лѣтечка зашумить, загуде не-дай-
 свѣта чвара!

97. Эта пословица понятна, и ведется понынь; но нижеслѣдую-
 щая пословица (що жидъ, а що дѣдъ) не совсѣмъ ясна.

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ковала, ⁹⁸
 Степомъ летючи, лугомъ скачучи,
 Що вона ковала, то правду казала;
 Налетять орды хижі, стануть жалковати;
 А вороны налетять, да й стануть здобичі жда-
 ти й піджидати.
 То якъ налетять от-тѣ зозулї, ⁹⁹
 Що насъ не забули....
 Що жидь, а що дѣдъ, а що й запорозькій ко-
 закъ!

98. Здѣсь очень кетати повторился стихъ изъ предыдущей думы (что бываетъ перѣдко въ поэзїи народной). Это дало поводъ г. Грабовскому утверждать, будто обѣ думы принадлежать одному перу, и т. д. Но эти думы не письменнаго, а изустнаго сложенія, какъ и всѣ прочія. Онѣ не могли принадлежать одному и тому же пѣвцу. Въ думѣ о Наливайкѣ слышенъ внятно ещѣ-койцый, важный тонъ пѣвца-старика; а въ этой думѣ, сложенной черезъ тридцать лѣтъ, вы видите порывы еще молодой пѣснотворческой силы. Избытокъ лиризма отличается ее отъ большей части думъ. Этому причина, кромѣ личности пѣвца, и самое время. На мой взглядъ, можно бы скорѣе сказать, что пѣвецъ этой думы, спустя 11 лѣтъ, сложилъ думу на побѣду Корсунскую.

99. „Запевне Полиці“ — замѣчаетъ Грабовскій, при этомъ стихѣ. Напротивъ: это родныя Украинки; къ Подлякамъ относится предыдущій стихъ; а орды хижі — то козаки, какъ и выше сего, гдѣ и воронъ, и сорока представлены въ томъ же непрїязненномъ значенїи, въ какомъ принимается въ Пѣснѣ о полку Игоревѣ весь родъ ворогій. Изъ него, только черная галка — въ козацко-украинской поэзїи получила значеніе доброй птицы, хотя является всегда въ пегали и разлукѣ.

Ой пошли козаки на чотыри шляхи,
 Що на чотыри шляхи, а на пяте на подолье.
 Що однимъ полемъ, то пошовъ Самко Мушкетъ;
 А другимъ полемъ, то пошовъ Стецько Кукуруза;
 А третимъ полемъ, то пошовъ Карпо Повтора-
 Кожуха,

На конику wygrae, пѣсню спѣвае.
 А за нимъ идуть мало - мало не три тысячй,
 Усе хоробрый товаришй Запорозьцй:
 На коникахъ wygrae, шабельками блискають,
 — у бубны ударяють,
 Богови молитвы посылають, хресты покладають.
 А Карпо панъ гетьманъ на конику wygrae, пѣ-
 сню спѣвае.¹⁰⁰

„Пресучая та журба мене изсушила,
 Вона мене молодого изъ ногъ извалила.

А я той журбѣ да й не подаюся.
 Ой пойду я до шинкарки, горѣлки напьюся!...

Ой хто хоче меду пити, ходѣмъ до жидѣвки;
 А ў жидѣвки чорны брѣвки, високи подкѣвки.

100. Такъ нарисовалъ украинскій пѣвецъ картину трехъ вождей козацкихъ. „Два образа мрачные, третій ясный“ — говоритъ объ нихъ Грабовскій. Но и въ третьемъ вождѣ нѣтъ ясности. Запорожецъ, котораго тоска-печаль съ ногъ валить, къ которому не голубятся жена его и дѣти... ему въ пѣсни и вишѣ — только забытье, а не сѣтливое веселье!

Й юпочка рябенька, й сама молоденька;
Да яка-жъ хорошая, яка чепуренька!

Шинкарочко моя, насыпъ меду й вина,
Да щобъ моя головонька веселенька була!“

— Коли ты жонатый, то иди до - дому;
А якъ не жонатый, то почуй зо мною! —

„Ой е ў мене жѣнка и дѣточокъ двое,
Да не пригортаються, серденько мое!“

14.

О Хмельницкомъ и Барабашѣ ¹⁰¹

Изъ день-години,
Якъ стала тревога на Украйну;
То нѣхто не може обѣрати
За вѣру христіанську одностайне стати;
Тѣльки обобрались Барабашъ да Хмельницькій,
Да Клима Бѣлоцерковскій; ¹⁰²

101. Вотъ первое народное пѣснопѣіе, въ которомъ появляется Хмельницкій. Чигиринскій полковникъ Иванъ Барабашъ, преданный Полякамъ, скрывалъ у себя грамоту, данную козакамъ отъ короля Владислава IV. Что бы получить эту грамоту, Хмельницкій долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости: онъ пригласилъ Барабаша къ себѣ кумомъ, на 6 Декабря 1647 года; а на разсвѣтъ 11-го Декабря скакалъ уже съ грамотою на Запорожье, — и вскорѣ явился побѣдоноснымъ гетманомъ.

102. Здѣсь дума называется, вѣроятно, Бѣлоцерковского полковника *Гирю*.

До короля выступали,
 Листѣвъ, наверсалѣвъ прохали.
 То король наверсалы ¹⁰³ писавъ,
 Самому Барабану до рукъ подававъ;
 А Барабашъ листы якъ узявъ,
 Три годы козакамъ знати не дававъ.
 То Хмельницькій тее догадавъ,
 Кумомъ ёго до себе прохавъ, добре угощавъ.
 А якъ ставъ Барабашъ на подпитку гуляти,
 Ставъ ёму Хмельницькій казати:
 „Годъ тобѣ, пане куме, листы королевскій дер-
 жати,

Дай менѣ хоть прочитати!“
 „На що тобѣ, пане куме, ихъ знати?

Мы дачи не даемъ,
 У войсько польске не йдемъ;
 Не луччебъ намъ зъ Ляхами,
 Мосцѣвыми панами,

Мирно пробувати;
 А нѣжъ пойти лугѣвъ потирати,
 Своймъ тѣломъ комарѣвъ годовати?“ ¹⁰⁴

То Хмельницькій тее зачувавъ,
 Ще луччихъ напѣткѣвъ подававъ.

103. *Наверсаль*, т. е. универсаль (такъ назывались грамоты, преимущественно гетманскія).

104. *Годовати* — кормить. *Запаньзгий* Барабашъ не хотѣлъ уже пускаться на суровую жизнь козака, въ темныхъ лугахъ дѣтпровскихъ. Но ему черезъ 5 мѣсяцовъ довелось тамъ принять смерть свою.

То Барабашъ якъ упився,
На лѣжку спати звалився.
Тогдѣ Хмельницькій ключій одбѣравъ,
Чуру свого до города Черкаса посилавъ;
Велѣвъ ключій панѣ Барабашовѣй подати,
Листѣвъ королевськихъ пытати.
То чура до ней прибуває,
Словами промовляє:
„Пані Барабашова! твоїй панъ ставъ у насъ гуляти,
А тобѣ велѣвъ листы королевскій подати!“
„Де-сь моему панові лихомъ занудилось,
Що съ Хмельницькимъ гуляти схотѣлось!
Пійди, въ глухѣмъ концѣ пѣдъ ворѣтьми
Листы королевскій въ шкатулѣ вѣзьми.“
То чура скоро листы доставъ,
День и нѣчь до Чигрина поспѣшавъ;
Тогдѣ Барабашъ рано починає,
У карманы поглядає, ажъ ключѣвъ немає.
Вѣнъ старосту Кричевського пробужає,¹⁰⁵
Двома кѣньми тихо зъ двора выѣзжає;
Думає, гадає,
Якъ пана Хмельницького до рукъ прибрати,
Ляхамъ отдати.

---

105. Вѣроятно, это былъ Переяславскій полковникъ *Кричевскій*,
преданный Хмельницкому.

15.

На побѣду Курсунскую. ¹⁰⁶

Ой обозветься панъ Хмельницькій
Отаманъ батько Чигиринський:

„Гей друзі - молодці,
Братья козаки Запорозці!

Добре знайте, барзо гадайте,
Изъ Ляхами пиво варити затирайте! ¹⁰⁷

Лядський солодъ, козацька вода;
Лядський дрова, козацькій труда.“

Ой за тее пиво

Зробили козаки зъ Ляхами превеликое диво;

Ой за той пивный молотъ

Зробили козаки зъ Ляхами превеликій колотъ;

106. Эта дума относится къ двумъ первымъ побѣдамъ Хмельницкаго надъ Поляками — къ *Желтоводской*, одержанной 7 Мая, и знаменитой *Курсунской*, одержанной 16 Мая, тогоже 1648 года. Дума эта списана для меня г. Коньтъкомъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ. Въмѣсто ея собственнаго начала, позднѣйшіе бандуристы придали ей свою любимую *Черноморскую бурю* въ сокращенномъ видѣ (см. думу 11). Отъ того имя *Грицька Зборовскаго* перешло и въ эту думу. Отбросивъ это не принадлежащее къ ней начало, я поставилъ въ ней; вмѣсто Зборовскаго, имя *Хмельницкаго*. — Понятно, почему все народныя пѣснопѣнія на первый побѣды Хмельницкаго надъ Поляками, дышутъ такою неистовою, насмѣшливою радостью!

107. *Варить пиво* — выраженіе весьма употребительное въ то время (см. въ *Памят. изд. Врем. Комис. Т. 1. отд. III. стат. 3*).

Ой за той пивный квасъ
Не одного Ляха козакъ, якъ бы скурвого сына, за
чуба потрясь.

Ой не вербы-жъ то шумѣли, и ни галки закричали,
Тожъ-то козаки изъ Ляхами пиво варить зачинали.

Ой обозветься перва пані Ляшка: „нема мого
пана Гриця!

Де-сь поѣхавъ дивиться,
Якъ буде козацьке пиво вариться!“

Ой обозветься друга пані Ляшка: „нема мого
пана Яна!

Де-сь извязали козаки якъ - бы барана!“

Ой обозветься третя пані Ляшка: „нема мого
пана Якуба!

Ой Якубе, Якубе!
Де-сь тебе зъ Жовтой воды, зъ быстрой рѣчки
Прута, и до вѣку не буде!“

Въ этой думѣ видимъ большое распространеніе о кровавомъ
писѣ. Но при этомъ надо имѣть въ виду имя вождя, котора-
го величали тогда *Старымъ Хмелемъ*. Это имя внушило народ-
ный запѣвъ:

„Чи не той-то хмѣль, що коло тычинъ вѣється?

Гей, то-жъ той Хмельницькій, що зъ Ляхами бється!“

И другая современная пѣсня (сложенія грамотнаго) на ту-же
Желтоводскую побѣду, начинается такъ:

„Ой высынавъ хмѣль изъ мѣха,

Да паробивъ Ляхамъ лиха!“

Ой не чорна хмара надъ Польщою встала:
Тожъ - то не одна Ляшка удовою стала!

Бо на праву середу
Заняли козаки Ляхѡвъ такъ якъ - бы череду.

Ой, которыхъ гнали до Прута,
Була дороженька барзо крута;

Которыхъ до Бузька,
Була дороженька барзо грузька;

А которыхъ до Хотины,
То бѣжучи попотѣли;

То кидали козаки Ляхѡвъ у воду
Къ чортовѡй матерѣ на прохолоду....

„Ой вей-миръ! обозветься первый жидъ Ђдько.¹⁰⁸
Уже-жъ-пакъ изъ-за горы козацькѣй корогвы видко!“

Побѣгъ до школы швидко:

„Ой школо-жъ моя, школо!

Чи тебе продати,

Чи въ карманъ забрати,

А чи тому пану Хмельницькому

Отаману батьку Чигиринському,

На срачъ подаровати?“

108. Извѣстно, какими оскорбительными и разорительными для Южной Руси правами пользовались жида въ прежнія времена. Украинцы за это враждовали на польскихъ пановъ; а жидовъ презирали, потѣшались ихъ трусостью. Вотъ, и въ этой думѣ — каррикатурное изображеніе Евреевъ, въ часъ наступившей опасности.

Ой обозветься другій жидъ Абрамъ.

„Ой я маю вельми дорогій крамъ:

Шпильки и голки,

Кремѣнья и люльки.

Ой я свѣй крамъ у коробочку склавъ,

Съ козаками пятами наживавъ!“

Ой обозветься третій жидъ Шлѣма.

„Ой я-жъ-накъ не буду на шабасъ дома!“

Гей, обозветься панъ Хмельницькій

Отаманъ батько Чигиринскій:

„Гей друзі-молодці,

Братья козаки Запорозці!

Добре знайте, барзо гадайте,

Одъ села Ситникѣвъ до города Корсуня шляхъ
канавою перекопайте, ¹⁰⁹

109. Здѣсь указано именно на то, что всего больше послужило къ успѣху Корсунскаго дѣла. Польскій обозъ съ двумя гетманами, стоявшій въ окопѣ между Корсунемъ и Стеблѣвымъ, собирався двинуться къ Богуславу. Дорога туда шла на село Ситники, а потомъ на глубокую лѣснстую долину, называвшуюся *Крутою балкою*. Сюда Хмельницкій подоспѣлъ къ ночи, съ многочисленнымъ войскомъ, приказалъ выкопать длинный и глубокій ровъ, а къ утру скрыться въ ближнихъ заросляхъ. Нежданная за-
падня привела въ разстройство польскій обозъ, безопасно спускавшійся въ балку; и онъ весь достался въ руки Хмельницкаго. Роковая долина названа впоследствии *рызанымъ промъ*.

Потоцького поймайте,
 Менѣ въ руки подайте!¹¹⁰
 Гей Потоцькій, Потоцькій,
 Маешъ собѣ розумъ жѣноцькій!
 Не годишся-жъ ты воѣвати!
 Лучче-жъ тебе до пана Хмельницкаго оддати
 Сырої кобылины жовати,
 Або житнѣй соломахи бузиновымъ молокомъ за-
 пивати!

16.

*О походъ Хмельницкаго въ Молдавію.*¹¹¹

Изъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе, повѣває:
 Вѣйсько козацьке у походъ выступае.

110. Коронный гетманъ Николай Потоцкій и напольный гетманъ Калиновскій, взятые въ плѣнъ, достались на долю крымскаго хана; бывшаго союзникомъ Хмельницкому. — Современную эпиграмму на этотъ плѣнъ см. въ Исторіи Малороссіи Маркевича. Т. V. стр. 38.

111. Объ этомъ походѣ, бывшемъ 1650 года, см. въ такъ-называемой *Лѣтописи Самовидца*. Тогда побѣдоносный Хмельницкій былъ на верху своей козацкой славы: и это отозвалось какъ въ торжественномъ запѣвѣ думы, такъ и въ ея заключительныхъ стихахъ. — (Въ этотъ походъ молдавскій господарь Василій Лупула согласился выдать свою дочь Ирину за сына Хмельницкаго Тимофѣя.)

Тільки Богъ святой знає,
 Що Хмельницькій думає, гадає!
 Объ томъ не знали ні сотники,
 Ни отаманы курѣнный, ні полковники:
 Тільки Богъ святой знає,
 Що Хмельницькій думає, гадає!...

Якъ до Днѣстра прибували,
 Черезъ три перевози переправу мали;
 Самъ Хмельницькій напередъ всѣхъ рушавъ,
 До Хотій прибувавъ, у старшого копитана на квати-
 тирѣ ставъ;
 До Василя Молдавського листы посылавъ,
 Словами промовлявъ:
 „Що ты за мною будешъ гадати?
 Чи будешъ битися,
 Чи будешъ мириться,
 Чи на примирѣ будешъ приймати,
 Чи славной Волоцины половину отдавати?“
 То Василій Молдавскій тее зачувавъ,
 До Потоцького листы посылавъ,
 Словами промовлявъ:
 „Гетьмане Потоцькій,
 Що ў тебе розумъ жѣноцькій!
 Ты за дорогими напитками, банкетами уганя-
 сшь: 112

112. Престарѣлый гетманъ Потоцкій преданъ былъ пирамъ. Машковичъ въ своемъ Дневникѣ пишетъ, что Потоцкій и въ день Кореунскаго пораженія ѣхалъ въ каретѣ пьяный.

Чомъ ты Хмельницкого не еднаєшь?
 Уже почавъ вѣнъ землю конськими копытами ора-
 ти;

Кровью молдавською поливати!—¹¹³
 Тогдѣ Ляхи изъ города изъ Сочавы утѣкали,
 Василю Молдавському знати давали.
 То Василій Молдавскій до Ясєь прибуває,
 Словами промовляє:
 „Ой вы, Яссы мой, Яссы,
 Були есте барзо красны!
 Да ўже не будете такі,
 Якъ прійдуть козаки!“

То панъ Хмельницкій добре учинивъ:
 Польщу засмутивъ;
 Волощину побѣдивъ;
 Гетьманщину звеселивъ!

Въ той часть була честь, слава,
 Вѣйськовая справа!
 Сама себе на смѣхъ не давала,
 Непріятеля пѣдъ ноги топтала!

---

113. Уподобленіє битвы различнымъ работамъ земледѣльческимъ принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ народной Южнорусской поэзіи. Въ Пѣснѣ о полку Игоревѣ встрѣчаемъ нѣсколько картинъ, основанныхъ на этомъ уподобленіи, которое находится въ тѣсной связи съ давнею любовью Южной Руси къ земледѣлію.

Не луччебъ тобѣ Ляше, превражій сину,
На Українѣ съ козацькою жѣнкою спати,
А нѣжъ въ корчму вхождати?
Да ўже-жъ на Українѣ не одна жѣнка курку зго-
товала;
Тебе Ляха, кручого сына, на нѣчь чекала!—
То уже-жъ козаки и мужики
У недѣлю рано Богу помолившись, листы писали,
И въ листахъ добре докладали,
И до пана Хмельницького у Полонне посылали:
— Гей, пане Хмельницькій,
Отамане Чигиринській,
Батьку козацькій!
Звели намъ пѣдъ Москалей тѣкати,
Або звели намъ зъ Ляхами великій бунтъ зры-
вати!—
То Хмельницькій листы читає,
До козакѣвъ словами промовляє:
„Гей, стойте, дѣти,
Ладу ждѣте!
Не благословляю вамъ ни пѣдъ Москаля тѣкати,
Ни зъ Ляхами великого бунту зривати.“
То ўже-жъ, Хмельницькій до козакѣвъ прѣзжає,
Словами промовляє:
„Гей, нуте, дѣти, по-три, по-чотыри зъ куренѣвъ
вставайте!
И до дрючкѣвъ и до оглобель хватайте,
И Ляхѣвъ - панѣвъ, у нѣчку у четвертеньку, такъ
якъ кабанѣвъ загачайте!“

То ўже-жъ, изъ куренѣвъ по-три, по-чотырѣ вста-
вали,

До дрючкѣвъ и до оглобель хватали;
И Ляхѣвъ-панѣвъ, такъ якъ кабанѣвъ, у нѣчку у
четвертеньку заганяли.

То ўже-жъ одинъ козакъ лугомъ бѣжитъ;
Коли дивиться на кущъ, ажъ кущъ дрожить;
Коли дивиться у кущъ, ажъ у кущѣ Ляхъ якъ
жлукто лежитъ.

То козакъ козацкій звичай знае, изъ коня встае,
И Ляха за чубъ хватае, и келепомъ по ребрахъ
торкае.

То Ляхъ до козака словами промовляє:
— Луччебъ, козурю, могли мой очѣ на потилицѣ
стати,

Такъ - бы я могъ изъ-за рѣчки Вислы на Украйну
поглядати!

18.

На смерть Хмельницкаго. ¹¹⁶

Зажурилася Хмельницкого сѣдая голова:
Що при ёму ни сотникѣвъ, ни полковникѣвъ нема;

116. Извѣстно изъ исторіи, что Хмельницкій въ 1657 году, чувствуя приближеніе смерти своей, собралъ въ Чигиринѣ *раду* (совѣтъ) на 6 Августа, и предлагалъ для выбора въ гетманы нѣсколькихъ полковниковъ; но признательные козаки захотѣли, что бы преемникомъ Богдана былъ сынъ его, 16-лѣтній Юрій.

Часъ приходитъ умірати,
 Нѣкому порады дати!
 Покликне вѣнъ на Ивана Луговського, ¹¹⁷
 Писаря вѣйськового:
 „Иванъ Луговскій,
 Писарь вѣйсковый!
 Скорѣйше бѣжи,
 Да листы пиши,
 Що-бъ сотники, полковники до мене прибували,
 Хоть мало пораду давали!“
 То Иванъ Луговскій,
 Писарь вѣйсковый,
 Листы писавъ,
 До всѣхъ розсылавъ.
 То сотники, полковники, якъ їхъ прочитали,
 Усѣ покидали;
 До гетьмана Хмельницького скорѣйшъ прибували.
 То гетьманъ добре їхъ пріймае,
 Словами промовляє:
 „Панове - молодці! добре вы дбайте,
 Собѣ гетьмана наставляйте;

После того Хмельницкій скончался въ день Успенія (15 Авг.), и погребенъ былъ въ Суботевѣ. Бандурнѣтъ, передавая вѣрно это событіе, изобразилъ его съ художественною простотою, вполне соответствующею предмету думы.

117. *Луговскій*, т. е. *Выговскій*, лице извѣстное въ исторіи. Новымъ писателямъ нѣтъ надобности называть его Полякомъ. Православно-русская дворянская фамилія Выговскихъ, на Волыни, была очень извѣстна въ 17 вѣкѣ (см. въ *Памятникахъ Луцкаго братства*).

Бо я старь, болью,
 Бѣльше гетьманомъ не здолѣю!...
 Коли хочете, панове, Антона Волочая Кіевського,
 Або Грицька Костыря Миргородського,
 Або Хвилона Чичая Кропивянського,
 Або Мартына Пушкаря Полтавського.“ ¹¹⁸

То козаки тее зачували,

Смутно себе мали,

Тяжко вздыхали,

Словами промовляли:

—Не треба намъ Антона Волочая Кіевського,

Нй Грицька Костыря Миргородського,

Нй Хвилона Чичая Кропивянського,

Нй Мартына Пушкаря Полтавського;

А хочемъ мы сына твого Юруся молодого,

Козака лейстрового! —

„Вѣнъ, панове - молодцй, молодой розумъ мае,

Звычайсвъ козацкихъ не знае!“

—Будемъ мы старыхъ людей бйля ёго держати,

Будуть воны ёго научати:

Будемъ ёго добре поважати,

Тебе батька нашего гетьмана споминати!

118. Изъ этой думы видно, что нѣкоторые полковники того времени имѣли, кромѣ фамиліи официальной, еще народную: таковы *Вологай* - Адамовичъ, *Костырь* - Лѣсницкій; а Филонъ *Чичай* вм. *Джеджельй*. Преемникъ Сагайдачнаго гетьманъ *Олиферъ Стебленецъ* и *Голубъ* —одно лице. Полковникъ *Ганжа* воспѣвается подъ именемъ *Ивана Биды*. Другіе примѣры мы видѣли въ предыдущихъ думахъ.

То Хмельницькій тес зачувавъ, великую радость
 мавъ,
 Сѣдою головою поклонъ отдававъ,
 Слѣзы проливавъ.

Скоро пѣсля того ще й гѣрше Хмельницькій зне-
 могавъ;

Опращенье зо вѣми пріймавъ,
 Милосердному Богу душу отдавъ. —

Те не чорный хмары ясне сонце заступали,
 Не буйный вѣтры въ темнѣмъ лузѣ бушовали:
 Козаки Хмельницького ховали,
 Батька свого оплакали.

(Объ гетманствѣ Юрія Хмельницкаго и Ивана Выговскаго.) 119

А молодой Юрусь пѣдъ Бѣлою-Церквою гуляе,
 Объ смертѣ отцевскѣй не знае.
 Скоро лейтары до ёго прибували,
 Листы подавали.

То Хмельниченко 120 якъ прочитавъ,
 Свѣта Божого не взвидавъ.

119. Это, безъ сомнѣнія, отрывки изъ особой, позабытой думы, слѣдовавшей непосредственно за думою на смерть Богдана.

120. *Хмельниченко*—сынъ Хмельницкаго (Тимофѣй, Юрій); а *Хмельниченко*—самъ Богданъ, называемый иногда уменьшительно въ знакъ любви отъ народа. Окончанія *енко* и *енько*—не одно и то-

То не багато Луговській гетьмановавъ :

Півтора года булаву державъ.

Скоро сотники, полковники прибували,

Юруся Хмельниченка гетьманомъ поставляли.

„Дай же, Боже!—козаки промовляли—

За гетьмана молодого,

Жити якъ за старого:

Хлѣба, соли ёго ўживати,

Города турецькї плѣндровати,

Славы лицарства козацькому вѣйську доставати!“

19.

Объ Иванъ Коновченкѣ. ¹²¹

На славнѣй Украинѣ,

У славнѣмъ городѣ у Корсунѣ,

же.—Иные неправильно склоняють эти и всѣ имена кончащіяся на *ко*, по склоненію женскихъ именъ. Еще несвойственнѣе стали иные причислять ихъ къ именамъ несклоняемымъ, наравнѣ съ *рококо*, *кликко*. Должно склонять ихъ по-прежнему, по-руски: *Сомко*, *Сомка*, *Сомку* и т. д.

121. Эту прекрасную думу объ Черкаскомъ витязѣ *Коновченкѣ* я отношу къ 1684 году, когда въ западной или заднѣпровской Украинѣ, находившейся тогда опять подъ властью польскою, возобновилось козачество, и ходило своимъ ополченіемъ на Вѣлого-родскихъ Татаръ, къ городу *Тягину* (нынѣ село Тягинка въ Херсон. губ.). Объ этомъ см. въ Лѣтоп. Самовидца и въ Лѣтоп. Рубана.—

Кликне, покликне Хвилоненко, Корсунський полков-
никъ :

„Годѣ вамъ, панове-молѣдцѣ, домовати!
Идѣте зо мною на Черкеню-долину гуляти,
Славы лицарства козацькому вѣйську достава-
ти!“ ¹²²

От-тогдѣ по городахъ не музыки выгравали,
Осаулы вѣйсковый похажали,
Листы читали, козаковъ у походъ выкликали.
А хто буде панотцевого — промовляли —
Недѣлешнѣго обѣда дождати:
Той буде Хвилоненка,
Корсунського полковника,
Въ шести миляхъ доганяти!—

У городѣ у Черкасѣ жила вдова старенька,
Мала собѣ сына Ивана вдовиченка Коновченка.
Вона тее перше ёго зачувала,
До-господы найскорѣйше прибувала, ¹²³
Усѣ коні изъ господы позсылала,
Все оружье у кѣмнату замыкала,
Къ дому Божому до церкви носилшала.
То Ивасѣ одъ сна прочиняе,
По хатѣ поглядае:

Въ собраніи г. Лукашевича есть другой, пространѣйшій
варіантъ этой думы, изъ котораго она можетъ пополниться нѣ-
сколькими стихами.

123. Господѣ—домъ; до-господы—домой.

Ажъ нѣ одной саблѣ булатной,
 Пицалѣ семинядной,
 На стѣнѣ не має!
 У станю ухожае:
 А на станѣ нѣ одного
 Коня вороного!

Вѣнъ пенюку старенюку бѣля церкви доганяе,
 Словами промовляе:

„Не добре ты, мати, згадала,
 Що всѣ коні изъ госпѣды позсылала,
 Все оружье у кѣмнату замыкала!
 А луччебѣ ты, мати, зробила,
 До города Крылова одѣздила,
 Сто злотыхъ жиду-олондарю давала,
 У нарядѣ добраго коня куповала,
 Мене молодого вѣ походѣ знаряжала!“

— Маешъ ты чотырѣ волы чабаный,

Два коні отцевскі вороный:

Можешъ добре у Черкасѣ поживати,

Козакѣвъ на хлѣбѣ на сѣль закликати!—

„Що менѣ съ того, що буду я добре поживати,
 Будуть мене козаки за хлѣбѣ за сѣль поважати!

Тѣльки будуть мене, мати,

На пѣдпитку гречкосѣмъ, домонтаремъ величати,

Коня мого приплудою называти!

И ўже менѣ не подоба по рѣльямъ спотыкати,¹²⁴

Жовтыхъ чобѣтъ каляти,

124. Рѣля — пашня.

Дорогій сукній пыломъ набивати!

А хочеться менѣ, мати,
Пойти підъ городъ Тягиню гуляти,
Славы лицарства доставати!“

То тее промовлявъ,
У неньки старенькой благословенья бравъ,
Изъ дому отцевського поспѣшавъ,
На Черкеню-долину съ козаками прибувавъ.—

Не ясенъ соколъ на долині по табуру гуляє,
Не бѣлая лебедь спѣває;

Полковникъ Хвйдоненко похожає,
Словами промовляє:

„Который-то, панове-молодці, козаць дородный,
Ще й кѣнь підъ нимъ воздобный,
Пойде зо мною на Черкеню-долину гуляти,
Славы лицарства козацькому вѣйську доставати?“

То Ивась Коновченко тее зачувавъ,
Напередъ всѣхъ благословенья прохавъ.
„Ты дитина, Ивасю, молода! полковникъ промов-
лявъ —

Нї на полѣ, нї на морѣ не бувало,
Смертї бїля себе не видало!

Якъ звичай козацькї познаєшь,
Лучче тогдѣ погуляєшь!“

„Не всѣ старї птиці високо лѣтають,
Не всѣ старї шуки карасѣвъ хапають!
Трапляється, батьку, що кричя малее
Ловить рыбку краще нѣжъ старее!“

То Ивась промовлявъ ,
 Съ полковникомъ на долину выѣзжавъ ,
 Дванадцять Татаръ передъ мечъ принявъ ,
 Шѣсть на арканъ звязавъ .

То полковникъ бусурманѡвъ принѣмае ,
 Ивася Коновченка бѣля себе сажаетъ ,
 Славу ёго выхваляетъ .

То Ивась великую радость мае ,
 Словами промовляетъ :

„Благослови менѣ, батьку, оковитой ¹²⁵ напиться!
 Я не зарѣкаюсь зъ бусурманами ще лучше побиться!
 —“

—Не вѣлю я тобѣ, сыну, оковитой напивати ,
 Да итти зъ бусурманами на долину гуляти!
 Коли-жъ уже ты хочешъ ей напивати ,
 То вѣлю въ моёмъ наметѣ лягти спочивати! —
 „Сей менѣ хмѣль не буде заважати ,
 А буде моему сердцю смѣлости додавати!“

То не вихоръ по Черкенѣ - долини гуляетъ ,
 Не сизый сребль яструбѡвъ ганяетъ :
 Вдовиченко Коновченко на воронѡмъ конѣ розъ-
 ѣзжаетъ ;
 Мечемъ своимъ якъ блискавка сяетъ ;
 Трѣхъ Татаръ-янычаръ съ коней збиваетъ .
 Тогдѣ шаблю булатну опускаетъ ,

125. Оковитая — aqua vitae! — добрая водка.

Козакамъ лицарство свое выхваляе,
 Беспечно по долигѣ розѣзжае,
 Бусурманѡвъ на смѣхъ пѡдѣймае. —
 То безбожнѣй бусурманы тее зачували,
 Напѣлого козака заразъ познавали,
 Бѡльше ёму поля гуляти попускали;
 Одъ табура козацького заразъ одбивали,
 Гилѡвомъ-Божимъ — саранчою на козака налѣ-
 тали,¹²⁶

Шаблями, пистолѣями смертнѣй раны даровали;
 Тѡльки коня козацького не пѡймали.

То добрый кѡнь до табура прибѣгае,
 По куренямъ гуляе,
 Гострыми копытами землю копае;
 Смутно ржучи, козака своего выкликае.
 То Хвилоненко тее зачувавъ,
 Изъ намета своего выступавъ,
 Словами промовлявъ:

„От-се вы, братця, не добре зробили,
 Щѡ напѣлого козака гуляти пустили,
 Мовъ вы сами ёго зъ свѣта згубили!
 Добре вы дбайте, оружѣе направляйте,
 Бусурманѡвъ одъ тѣла козацького одбивайте!
 Бо ўже не даромъ козацькѣй кѡнь по табуру гуляе;
 Мабуть Ивася Коновченка на свѣтѣ немає!“

^{126.} Гилѡмъ Божимъ названа саранча по тому повѣрью, будто эти слова на ея крыльяхъ написаны сврейскими буквами.

То козаки тее зачували,
На долину найскорѣйше носѣшали,
Бусурманѡвъ одъ тѣла козацького одбивали;
Шаблями, надѡлками сѹходѡль копали,
Шанками, приполами переть выбѣрали,
Ивасю Коновченку могилу насыпали,
У семинадцатї пищали гремали,
У суремки жалѡбно выгравали,
Славу козацьку выхваляли.

Скоро пѡсля того стали козаки табурь изнѣмати,
У города христїанскїй уступати.

То вдова старенька,
Мати Ивася Коновченка,
Не у домъ ся мала:

На базарѣ солодкїй медъ выставляла,
Сына своего Ивася Коновченка выглядала.

Перва сотня наступае,
Вдова сына не видае.

Друга сотня вступа, самъ хоружїй попереду йде,
Два козака козацького коня на поводахъ веде.

Вдова тее забачала,
Жалѡбный слова промовляла,
Славы, смертї сына своего пытала;
Всѣхъ козакѡвъ на хлѣбъ на сѡль закликала;
Похороны и весѣлье Ивасю отбувала;
Полковнику козацького коня даровала,
Старшимъ шаблї, пищали Ивася роздавала.—

Полягла козацька молодецька голова,
 Якъ одъ вѣтру на степену трава;
 Слава не ўмре, не поляже,
 Лицарсьтво козацьке всякому розкаже!...

20.

О Палль и Мазепь. ¹²⁷

Шведського року несчастливого лѣта,
 Не одна то душа христіянська безневинно поїшла
 зъ сѣго свѣта!

То тогдѣ-то у городъ у Лебединѣ
 Царі и князі великимъ всѣ дивомъ дивовали,
 Одинъ до единого словами промовляли:
 „Про що-то, панове, у землѣ христіянськѣй не
 стало порядку ставати?“

Про то, панове, що стали проклятый бусурманы
 христіянъ братами називати!—

„Хто-жъ тее зачинавъ?“

— Начинавъ тее проклятый Мазепа,

Якъ Искру й Кочубея безневинно самъ зъ сѣго
 свѣта зогнавъ,

Семена Палтя на Сибирь завдавъ.—

127. Событія Шведской войны и Полтавской побѣды такъ извѣстны, что я считаю лишнимъ пояснять эту думу и указывать въ ней нѣкоторыя неточности историческія. Она любопытна собственно по взгляду народному на *Палтя* и *Мазепу*: первому—все добро, и вся слава; второму все зло и безславіе!

То царѣ и князѣ одинъ до единого словами про-
мовляли;
Да Семена Палѣя зъ Сибиру на Москву высылали.

Скоро - то ставъ Семень Палѣй,
Великимъ постомъ, весняною погодою,
До Бѣлого Царя на столицю прибувати.
То свѣтъ праведный Государь велику радость має,
Що до себе великого лицаря Семена Палѣя у гостѣ
сподѣває.

То Мазепа тогдѣ якъ почувъ,
Що ёго проклятого Мазену лихо доганяе,
До короля шведського таки рѣчи промовляє:
„Королю шведскій, добродѣю, найяснѣйшій мѣй
пане!

Чи будемъ мы бѣльше города Полтавы доставати,
Чи будемъ съ-пѣдъ города, съ-пѣдъ Полтавы утѣ-
кати?

Бо не дурно Москва стала насъ кругомъ осту-
пати;

Бо ў Семена Палѣя хочъ и не великое вѣйсько
охотнее,

Тѣльки одна сотня;
А буде нашу тысячу гнати й рубати;
Буде намъ великимъ панамъ великій страхъ за-
вдавати!“

То король шведскій тее зачуває,
Словами промовляє:

„Мазепо, безумная главо! чи ў мене вѣйсько не
збройне?

Чи ў мене вѣйсько не панцирне?

Да я ще тую Москву могу сѣкти й рубати,
Ще не зарѣкаюсь у Бѣлого Царя й на столицѣ
побувати!“

Скоро ставъ Палѣй Семень,
На святого отця Миколая,
Изъ Шереметомъ Борисомъ Петровичомъ пѣдъ
Полтаву прибувати;
То ставъ король шведскій изъ Мазеною тайно
ўтѣкати,

На царскихъ людей ўдаряти.
Много царскихъ людей побивали;
А ў городѣ у Батуринѣ мужикѣвъ да жѣнокъ у пень
сѣкли да рубали,
Церкви палили, святетї да иконы пѣдъ ноги топ-
тали,

Плиты справляли,
На той бѣкъ Днѣпра утѣкали.

То Семень Палѣй пѣдъ Полтаву прибуває,
Сѣче й рубаетъ, на всѣ стороны якъ полу метаетъ.
До Днѣпра прибуваетъ, на той бѣкъ Днѣпра поглядає,
Що король шведскій изъ Мазеною на томъ боцѣ
Днѣпра походяє.

То вѣнъ - то мечемъ махає,
Словами промовляє:

„Помоли ты, Мазепо, за мене Бога, що я тебе
не догнавъ:

Альбо-бъ постѣкъ, альбо порубавъ,
Альбо живѣмъ на вѣчну каторгу завдавъ!“

Земле, земле христіянсько!

Егда ты була смутками и печальми наповнена,
Не знала, де родина обь родинѣ промышляе!

Дай, Боже, честь и хвалу

Свѣтъ праведному Государю!

Да й Семену Палѣю, превеликому пану,

Що не давъ Шведи христіянъ на поталу!

Ой дай, Боже, усьмъ христіанамъ многія лѣта,

Да счастливого прожитія у сѣмъ свѣтѣ!

**СБОРНИКЪ
УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЬ.**

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

**ПѢСНИ
КОЛЫБЕЛЬНЫЯ И МАТЕРИНСКІЯ.**

學政司官印

學政司官印

學政司官印

學政司官印

ПѢСНИ КОЛЫБЕЛЬНЫЯ.

Считаю приличнымъ начать женскія украинскія пѣсни съ *колыбельныхъ*. Ихъ напѣвы первые впечатлѣваются въ душѣ младенца, и даютъ первое ей музыкальное настроеніе.— Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсень можно признать за непосредственное выраженіе самой матери; другія сложены нянями.

21. ¹²⁸

Ой спи, дитя, безъ сповиття,
Поки мати съ поля прійде,
Да принесе три квіточки:
Одна буде дрѣмливая,
Друга буде сонливая,
А третяя щастливая.
Ой що-бъ спало — счастья мало,
Да що-бъ росло — не болѣло,
На серденько не скорбѣло!
Ой рѣсточки у кѣсточки,
Здоровьячко на сердечко,
Розумъ добрый въ головоньку,
Соньки - дрѣмки у вѣченьки!....

128. Въ этой пѣсни слышенъ голосъ молодого материнскаго сердца.— Первый стихъ поютъ еще такъ:

„ Ой спи, дитя, да до пѣвдид!“

22. 129

По - надъ моремъ-Дунаемъ
 Вѣтеръ яворъ хитае,
 Мати сына пытае:
 „Ой сыну мѡй Иване,
 Дитя мое кохане!
 А чи тебе оженить,
 Чи у вѡйсько урядить?...
 Якъ я тебе колыхала,
 Усю нѡченьку не спала;
 Якъ я тебе зростила,
 Сама себе звеселила;
 Якъ я тебе оженю,
 Всю родину звеселю;
 Якъ я тебе въ вѡйсько дамъ,
 Собѣ жалю я завдамъ!“
 „Мати-жъ моя рѡдная,
 Порадонько вѣрная!
 Исправъ менѣ три трубы,
 Да ѡ усе три мѣдяны;
 А четвертую трубу
 Исправъ менѣ золоту!
 У одну трубу заграю,
 Якъ коника сѣдлаю;
 А въ другую заграю ,

129. Козачка, надъ колыбелью сына, воображаетъ себѣ предстоящую ему жизнь, и саркаженъ его въ войско, и разлуку съ нимъ.

На коника сѣдаю ;
 А въ третюю заграю ,
 Съ твоего двора зѣзжаю ,
 А въ четверту затрублю ,
 Середъ войска стоячи
 И шabelьку держучи ,
 Що - бѣ зачула матуся ,
 До утревѣ идучи ,
 Якъ голубка гудучи ! “

Ой сыне-жѣ мѡй Иване ,
 Дитя мое кохане !
 Ой коли-бѣ же я зозуля ,
 Я-бѣ до тебе полинула !
 „ Якъ-бы мати, я соколѣ ,
 Я-бѣ до тебе прилетѣвъ ! “

Рости-жѣ , сынку, въ забаву,
 Козачеству на славу,
 Вороженькамъ въ расправу !

23. ¹³⁰

Ой у полѣ лобода ,
 Тамъ ходила удова ,
 Зѣ маленькою дитиною.
 Де ся взявъ Татаринѣ

130. Вдова, надѣ колыбелью дитяти ; воспоминаетъ о своемъ добромъ мужѣ.

Стыдкій, брыдкій, поганый;
Хоче вдову зарубати,
Собѣ дитину забрати.
Не рубай мене, Татаринъ,
Стыдкій, брыдкій, поганый!
Поведи мене до батенька въ двѣрь,
Батько выкупить мене!
Да повѣвъ ей до батенька;
Батько каже: не моя! —
Ой лихая година моя!
Одцуралась родина моя!

Ой у полѣ лобода,
Тамъ ходила удова,
Зъ маленькою дитиною.
Де ся всявъ Татаринъ
Стыдкій, брыдкій, поганый;
Хоче вдову зарубати,
Собѣ дитину забрати.
— Не рубай мене, Татаринъ,
Стыдкій, брыдкій, поганый!
Поведи мене до свекра у двѣрь,
Свекоръ выкупить мене!
Повѣвъ ей до свекорка;
Свекоръ каже: не моя! —
Ой лихая година моя!
Одцуралась родина моя!

Ой у полѣ лобода ,
 Тамъ ходила удова,
 Зъ маленькою дитиною.
 Де ся взявъ Татаринъ
 Стыдкій, брыдкій, поганый ;
 Хоче вдову зарубати ,
 Собѣ дитину забрати.
 — Не рубай мене , Татаринъ ,
 Стыдкій, брыдкій, поганый !
 Поведи мене до милого въ двѣрь ,
 Милый выкупить мене !
 Повѣвъ ей до милого ;
 Милый сказавъ : се-жъ моя ! —
 Ой добрая-жъ годинопька ,
 Не цуралась родинопька !

24. ¹³¹

Мати сына колыхала ,
 Дня и ночей не доспала :
 Да думала добрый буде ,
 Що вѣнь мене не забуде.
 Ажъ вѣнь самый пьяниченька
 И великая ледащиченька !
 Де медъ чуетъ , тамъ ночуетъ ;

131. Мать, выгнанная изъ дому своимъ сыномъ — гулякою, въ чужомъ дому служить нянкою; и поетъ пѣсню про свое горе. Изъ этой пѣсни бабуристы сложили прекрасную думу *Мать и дѣти*.

Де горѣлку, то тамъ днюе;
 Въ корчму иде, выгукуе;
 До - дому йде, бенкетъ веде;
 Свою неньку зневажае,
 Зъ двора ей выганняе.
 „Да йди, нене, прѣчь одѣ мене!
 Будуть, нене, гостѣ ѣ мене,
 То ѣ не треба тебе ѣ мене!
 Будуть кумы, побратимы,
 И близькій сусѣдоньки;
 Будуть кумы у жупанахъ,
 Побратимы у луданахъ,
 Сусѣдоньки въ кармазинѣ,
 А ты, мати, въ сѣрячинѣ!“

Пѣйшла мати тыняючись,
 По - пѣдъ тышью валяючись.
 Пѣйшла мати да плачучи,
 Свого сына проклинаячи.
 —Що - бѣ ты, сыну, счастья не мавъ,
 Що ты мене зъ двора прогнавъ!
 Де хаточка теменькая
 И дитина маленькая,
 Пѣйду туда ночовати
 И дитины колыхати!

Ой пѣйшовъ сынъ блукаячи,
 Матусеньки шукаячи.
 „Ой лихая годионька,
 Одцуралась родинонька;

Одиурались мене кумы,
 Мой кумы, побратимы,
 И близькій сусѣдоньки!
 Да йди, нене, зновъ до мене!
 Буду тебе поважати,
 Буду тобѣ постѣль слати,
 Буду тебе укрывати!
 Чи мягкая постѣль моя,
 Чи мягко я пославъ тобѣ?“

—Ой мягкая постѣль твоя;
 И мягко - жъ ты пославъ менѣ,
 И легенько одѣвъ мене!—

25.

Сонъ. 132

Ой ходить сонъ по улоньцѣ,
 Въ бѣлесенькѣй кошулоньцѣ;
 Слоняется, тыняется,
 Госнобоньки пытается.

132. Эту прекрасную пѣсенку поютъ и въ такомъ видѣ:

Ой ходить сонъ коло вѣконъ,
 А дрѣмота коло плота.
 Пытается сонъ дрѣмоты:
 Де будемо почовати?—
 Де хатонька тепленькая,
 Де дитина маленькая!

„А де хатка теплѣсенька ,
 И дитина малесенька :
 Туда пойдѣмъ ночовати
 И дитины колыхати !“
 —А ў насъ хата тепленькая
 И дитина маленькая ;
 Ходи до насъ ночовати
 И дитины колыхати !
 Ходи , сонку , въ колысочку ,
 Присни нашу дитиночку !...

26.

Котъ. ¹³³

А , а , коте !
 Дитина спать хоче ;
 Ой хоть , хоче , да не спить ,
 Треба кота дубцемъ бить !

* * *

А , а , котино !
 Засни , мала дитино !
 Ой на кота воркота ;
 На дитину дрѣмота !

132. Котъ издревле на Руси считается *баюномъ* и сказочникомъ. Вотъ цѣлый рядъ колыбельныхъ пѣсенекъ объ котѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, безъ сомнѣнiя, сложены дѣвочками , которымъ обыкновенно поручается убаюкивать и тѣшить своихъ маленькихъ сестеръ и братьевъ.

Ой на кота все лихо;
Ты, дитино, спи тихо!
Ой кѣтъ буде воркотати,
Дитиночка буде спати!

* * *

Ой кѣтъ, воркѣтъ,
Да на вѣконечко скѣкъ;
А зъ вѣконця въ хижку.
Поймавъ котикъ мышку,
Кинувъ у колыску;
Мышка буде грати,
Котикъ воркотати;
Дитя буде спати
И счастьячко мати!

* * *

Пѣйшовъ котокъ на торжокъ,
Купивъ собѣ кожушокъ.
Треба съ кота зняти,
Да дитинцѣ дати,
Що-бъ тепленько спати!

* * *

А, а, котку!
Не лѣзь на колодку,
Бо забьешь головку;
Да буде болѣти,
Нѣчимъ завертѣти.
Одна була хустина,

Да й ту дѣти ўкрали ,
 На куклы подрали;
 Куколъ наробили ,
 Кутокъ засадили.

* * *

А , а , люлі !
 А котові дулі ,
 А дитинѣ калачі ,
 Що-бъ спала въ день и въ ночі !

* * *

А , а , коточокъ !
 Укравъ у бабы клубочокъ ,
 Да понёсъ до Галі ,
 Положивъ на лавѣ .
 Стала Галя котка битъ :
 Не ўчись , коте , красти ,
 Да ўчися робити ,
 Черевички шити !
 Да не дорогій ,
 По три золотій ;
 Да не сѣхъ шевцѣвъ ,
 Переяславцѣвъ ;
 Да не сѣго ременю ,
 Привезено съ Кременю ;
 Не сїей работы ,
 Привезены чоботы ;
 Да не насъкій ,
 Да черкасъкій .

А, а, коточокъ!
Заховався въ куточокъ,
Поймавъ собѣ мышку,
Да зѣбъвъ у затишку.

* * *

Коте сѣрый,
Коте бѣлый,
Коте волохатый!
Не ходи по хатѣ,
Не буди дитяти:
Дитиночка буде спати!

27.

А, а, люлечки!
Шовковый вѣрвечки,
Золотый бильця,
Срѣбны колокольця,
Малёвана колысочка:
Засни, мала дитиночка!

28.

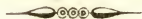
А, а, гойда!
Чужа мати пойда;
А наша панй,
Ходить у жупанѣ!

29. ¹³³

Трясѣтся, рубцѣй! ¹³⁴
 Дивѣтся хлопцѣй:
 Якъ сука робить,
 Такъ вона ѣ ходить!

* * *

Чуки - чуки, до мачухи!
 А ѣ мачухи млинцѣй печуть,
 И маслицемъ помазуютъ;
 Хлопцямъ дулю показываютъ.

133. Эти пѣсенки припѣваютъ, когда тѣшатъ дѣтей на рукахъ, подкидывая вверхъ.

134. *Рубцы* — т. е. рубища (пеленки). Ведется донинѣ повѣрье у матерей, что для дитяти до году не должно шить ничего изъ новой ткани.

ПѢСНИ МАТЕРИНСКІЯ.

Вотъ нѣсколько пѣсень изъ числа тѣхъ, которыя можно признать за непосредственное выраженіе самой матери.

50 ¹³⁵

Ой мала вдова сына сокола,
Выговодала, въ вѣйсько оддала.
Ой старша сестра коня сѣдлала,
А середульша хустку качала,
А наймолодша выпроважала;
А мати ёго вынытовала:
— Сыну мѣй, коли прїѣдешъ до насъ? —
„Тогдѣ я, нене, прїѣду до васъ,
Якъ павине пѣрьє наспѣдъ потоне,
А млиновѣй камѣнь наверхъ выплыне!“
Уже-жъ млиновѣй камѣнь наверхъ выплынувъ,
Уже й павине пѣрьє наспѣдъ потонуло;
А ще мого сына въ гостину не видно!
Выйшла на гору: ой всѣ полки йдуть;

135. Эта *думка* или баллада украинская должна быть очень давняя. Она сложена, конечно, матерью. — Примѣчательно въ ней изображеніе невозвратности — павлинымъ перомъ и мельничнымъ камнемъ. Оно напоминаетъ, какъ еще во времена Владиміровы, говорили богатырю Добрыню Волжскіе Болгары: „толи не будетъ межу нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонуту!“ (изъ Лѣтоп. Нестора).

То мого сына коника ведутъ!
 Пытала вона всей старшины:
 Чи не бачили сына сокола?
 „Чи не то твоѣй сынъ, що сѣмъ полкѣвъ ўбивъ,
 За восьмымъ полкомъ головку схиливъ?
 Зозуля лѣтала, надъ нимъ куючи;
 А коники ржали, ёго везучи;
 Колеса скрипѣли, пѣдъ нимъ котючись;
 Служеньки плакали, за нимъ идучи.“

31.

Ой добрая годинопька була,
 Якъ матуся свого сына била;
 А вѣнъ же ёѣй покорився,
 Да у нѣженьки поклонився:
 „Ой якъ будешъ мене, мати, бити;
 То не буду на Украинѣ жити!
 Ой пѣйду я съ туги на чужину;
 И тамъ же я, мати, не загину!“
 —Ой вернися, мѣй сыну, вернися,
 Да въ голубый жупанъ приберися!
 Подивлюся, мѣй сыну, на тебе:
 Чи е такій козакъ на Украинѣ,
 Якъ ты ў мене, мѣй сыну ўродливый?
 Ой не жалкуй, мѣй сыну, на мене;
 Не дай, Боже, пригоды на тебе!
 Якъ ты будешъ пострелянъ, порубанъ,
 Ой хто-жъ тобѣ ранѣньки промые?

„Въ полѣ, мати, дрѣбенъ дощикъ иде:
Ой той менѣ ранѣнки промые!“

— Ой не жалкуй, мѣй сыну, на мене,
Не дай, Боже, пригоды на тебе!
Якъ ты будешъ въ стѣну помѣрати,
Ой хто-жъ тобѣ головку оплаче?

„Въ полѣ, мати, чорный воронъ кряче:
Ой той менѣ головку оплаче!“

32.

Ой мандровавъ молодой козакъ, да мандровавъ
стиха;

Вѣнъ не зъ добра, не зъ роскошѣй, а зъ великого
лиха!

Якъ мандровавъ, шапочку знаявъ, всѣму роду укло-
нився;

Якъ изыйшовъ на битый шляхъ, да слѣзѣньками
ѣмывся.

Ой не плачте вы, карѣй очѣй, одъ роду мандруючи;

Заплачете вы, карѣй очѣй, на чужинѣ горюючи!

Ой не ржи ты, вороный коню, зъ двора ѣдучи;

Заржи ты, вороный коню, на круту гору идучи:

Нехай зачѣе моя ненька, безъ мене горюючи!

А ненька зачула, важенько здыхнула:

Ой гаю - жъ мѣй, гаю! ой гаю - жъ мѣй, гаю!

Котору дитину кохала, любила, крѣй себе не маю!

53.

Ой не шуми, дубрѡвонько, ой не шуми, зеленая,
 А у три ряды сажена!
 Черезъ тебе, дубрѡвонько, черезъ тебе, зеленая,
 Протоштана дорѡженька.
 Тудышла стара мати — сильне плаче и рыдае,
 Слѣзми моря доповняе.
 Не плачь, не плачь, стара мати! слѣзми моря не
 доповнишь,
 Сына зъ вѡйска не вызволишь!

54.

Ой у полѣ озеречко,
 Тамъ плавало вѣдеречко,
 Тамъ козаки молодѣи
 Кониченьки наповали.
 Конѣ иржуть, воды не пьютъ,
 Воны на себе походъ чуютъ.

„Коли-бъ же вы, вороный конѣ, а походу не сходили,

Якъ вы мою головоньку а навѣки утопили!
 Утопили головоньку у чужую сторононьку,
 У чужую сторононьку, да на чужиноньку!“

Злетѣвъ пѣвень на ворота, да й сказавъ: кукурѣку!
 Не сподѣвайсь, мати, сына съ походу ўже довѣку!

— Да коли-бъ же я зозуленька, то-бъ я собѣ криль-
 ця мала ;
 Ой стрепенулася, полинула-бы, а до своего сына
 Ивана ;
 То-бъ я своего сына Ивана и у гробѣ познала !
 Злетѣла-бъ я на могилу, да ѣ сказала-бъ я: куку !
 Ой сыну мой Ивашечку, подай бѣлу руку ! —

„ Ой радъ бы я, моя мати, обѣ - двѣ подати :
 Насыпано сырой земли да на грудоньки менѣ ,
 Склепилися карѣи очѣи, охъ, и устоньки мой ! “

35.

Чи се тая удовонька, що на углѣ хата ;
 Хорошую мае дочку, сама небагата ?...
 Ходить козакъ по улицѣ, нѣчимъ замутиться :
 „ Добри - вечѣръ, матусенько, дай воды напиться !
 Пусти дочку на улицу хоча подивиться ! “

Стойть вода у кубочку, коли хочъ, напѣйся !
 Сидить дочка ў вѣконечка, такъ ты ѣ подивися !
 Не для того, козаченьку, дочку годовала ,
 Що-бъ я ёѣ на улицу гуляти пускала .
 Годовала собѣ дочку для своей пригоды ,
 Що-бъ принесла изъ крыницѣи холодной воды .
 Згодовала, згодовала, да ѣ намалѣвала ,
 Дала я ёѣ счастья ѣ долю, а що-бъ пановала !

36.

„Ой дбай, мати, дбай, да дочку за-мѣжь дай;
 Ой не дай мене за пьяницу, бо менѣ ўроды жаль!
 Бо моя урода, якъ повная рожа:
 И на личеньку румяненко, и на стану гожа!“

— Ой доню моя,
 Угадай же сама;
 Угадай, выбѣрай,
 Своей красы не теряй,
 Бо ще молода!—
 „Ой мати моя,
 Ой гадала - жъ я;
 Да не ўгадала,
 Свою красоньку ўтеряла,
 Хоть я й молода!“
 — Ой дивно - жъ, дивно,
 Дочки не видно:
 Утопила - жъ я свою доненьку
 Въ крыницю глыбоченьку.....

Въ крыницѣ на днѣ холодна вода;
 Утопила-жъ я доненьку, хоча й молода!—

37. ¹³⁶

Да по заростають стежечки й дорѣжечки,
 А де походили мой бѣленьки нѣжечки!

136. Эта пѣсня, по содержанію, сходна съ тѣми свадебными, которыми въ *педлю*, передъ разлукою матери съ дочерью, *завдають жало* имъ обѣмъ. Но напѣвъ этой пѣсни не свадебный.

Да позаростають шовковою травою,
 А де походили, матѣнко, изъ тобою!
 Да будешъ, матѣнко, травицю прогортати;
 Да будешъ, матѣнко, слѣдочки познавати!
 Да будешъ, матѣнко, до слѣду припадати,
 Що нѣкому буде головки обыскати!
 Да будешъ, матѣнко, якъ голубонька густи,
 Що нѣкому буде водиці принести!—

38.

Въ недѣлоньку рано, якъ сонечко грало,
 Выряжала мати дочку въ чужу стороночку.
 Не плачь, не плачь, мати! не плачь не журися;
 Ой якъ вийдешъ на битый шляхъ, слѣзоньками
 ўмийся!

Слѣзоньками ўмийся, рукавцемъ утрися;
 А за мною молодую, мати, не журися!“
 —Охъ идешъ ты, доню, мѣжъ чужій люде:
 Ой хто-жъ тебе, доню моя, жаловати буде?—
 „Да пожалують, мати, мене добрі люде:
 Робитиму, годитиму — добре менѣ буде!“

39.

Ой мала я журитися, нехай на петрѣвку!⁴³⁷
 Да заберу дѣтей въ торбу, поїду у мандрѣвку!

437. *Нехай на петрѣвку*: это пословица.

Ой дѣти мой, дѣти, маленькій пташки!
 Да вы-жъ менѣ въ злой годинѣ, ни мало не важки!
 Ой васъ, мой дѣти, на свѣтѣ не - скѣлько:
 Усѣхъ - бы - то на - всѣхъ — только двадцатѣрко!
 Ой чотырѣ старшій сыны — орутъ пивы въ полѣ;
 А чотырѣ малы сыны — сидятъ собѣ въ домѣ:
 А десятокъ дочокъ на - досвѣтки ходятъ;¹³⁸
 А ще двоухъ годую — у некруты вхоплатъ!

40.¹³⁹

Чи се тый чоботы, що зять давъ;
 А за тый чоботы дочку взявъ?
     Чоботы, чоботы, вы мой!
     Чомъ не хочете робити менѣ!
 На рѣчку шли чоботы, рипали;
 А зъ рѣчки шли чоботы, хлыпали.
     Чоботы, чоботы изъ бычка!
     Не хочете робить дѣла, якъ дочка!

---

138. *Досѣтки* — посидѣлки. Объ нихъ подробнѣе будетъ сказано при пѣсняхъ *досѣтганыхъ*.

139. Выдавая за-мужъ свою дочь, мать получаетъ за нее отъ зятя пару сапоговъ; и потому они имѣють для нея важное значеніе. Подгулявши на *бесѣдѣ*; мать поетъ эту пѣсню почти всегда сквозь слезы.—

ЗАМѢТКИ ОБЪ УКРАИНСКОМЪ ВЫГОВОРѢ.

1. Букву *ь* произносите всегда какъ острое или тонкое *и*.
Написано: *возьміте*, *собѣ*, *хлѣбѣ*, *ѣйте*; читайте: *возьмите*, *соби*, *хлѣбъ*, *иже*.

2. Когда буквы *и*, *і*, написаны съ наеркомъ (*î*, *î*) тогда должно выговаривать ихъ остро или тонко (напримѣръ въ словахъ: *іхъ*, *коіі*, *сініі*). Но когда буквы *и*, *і*, стоять безъ наерка, тогда онѣ выговариваются наравнѣ съ *и*, но не такъ дебело какъ великорусское *и*, котораго совсѣмъ нѣтъ въ украинскомъ выговорѣ. (Мы, ходили, тихій: здѣсь *и*, *и*, *і*, одинъ и тотъ же звукъ — *легкое и*, почти неизвѣстное великорускому выговору).

3. Всѣ гласныя буквы написанныя съ наеркомъ (*â, ê, ô, û*) выговаривайте какъ *тонкое и* (*краіі*, *камѣніі*, *кѡніі*, *за-мужъ: кріі*, *камініі*, *виніі*, *за-мижъ*).

4. Букву *е* тогда только выговаривайте какъ *йо*, когда она надписана двоеточіемъ (*ë*).— Въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ, буква *е* выговаривается остро. Послѣ согласныхъ она большею частью имѣетъ дебелий выговоръ. (Слѣдовало бы тогда и писать ее *е*, въ отличіе отъ тонкаго или острого *е*).

5. Когда *у* сокращается въ полугласный звукъ, похожій на *в*, тогда пишется *у* (да *уже*, *научились*).

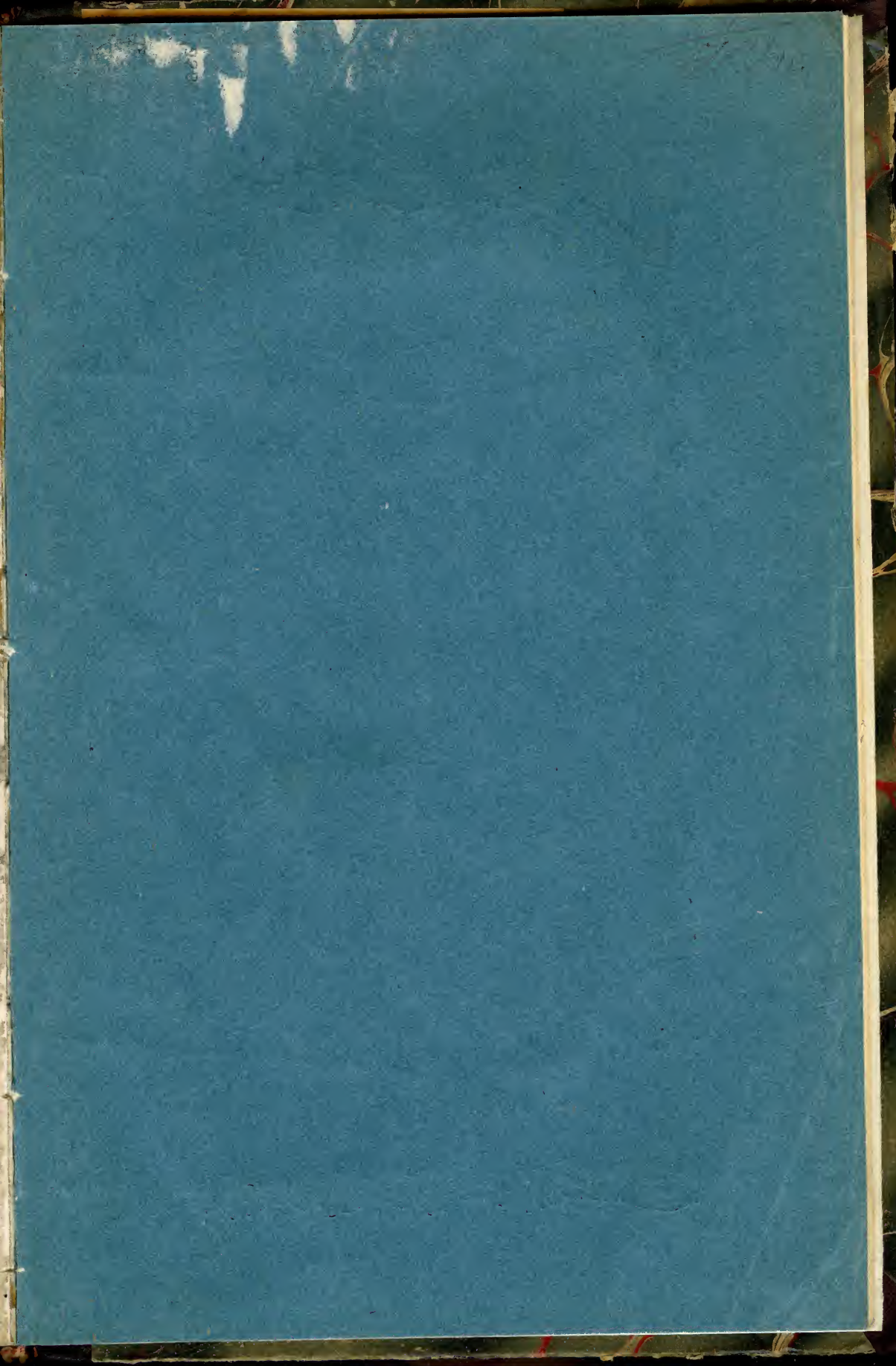
6. Когда послѣ буквъ *л*, *п*, *д*, *т*, *с*, *з*, *ш*, написанъ *ь* и потомъ гласная буква, тогда эти согласныя удвояются; напримѣръ: *ро́лля*, *коханье*, *судья*, выговариваются: *ри́лля*, *коханья*, *судья*.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Страница</i>	<i>Строки :</i>	<i>Напечатано :</i>	<i>Читайте :</i>
4	14	1574	1564
6	5	1637	1638
16	3 снизу	уселѣ	у селѣ
49	2 снизу	краковѣ	Краковѣ
55	26	Богунѣ	Богунѣ
57	20	1637	1638
65	13	ихъ	ѣхъ
67	2	<i>Курсунскую</i>	<i>Корсунскую</i>
64	18	Чигиринскій	Черкасскій
77	2	валѣ	вали
96	1 снизу	саряженѣ	снаряженѣ
98	21	у	въ
102	15	хоть, хоче	хоть хоче

12.

